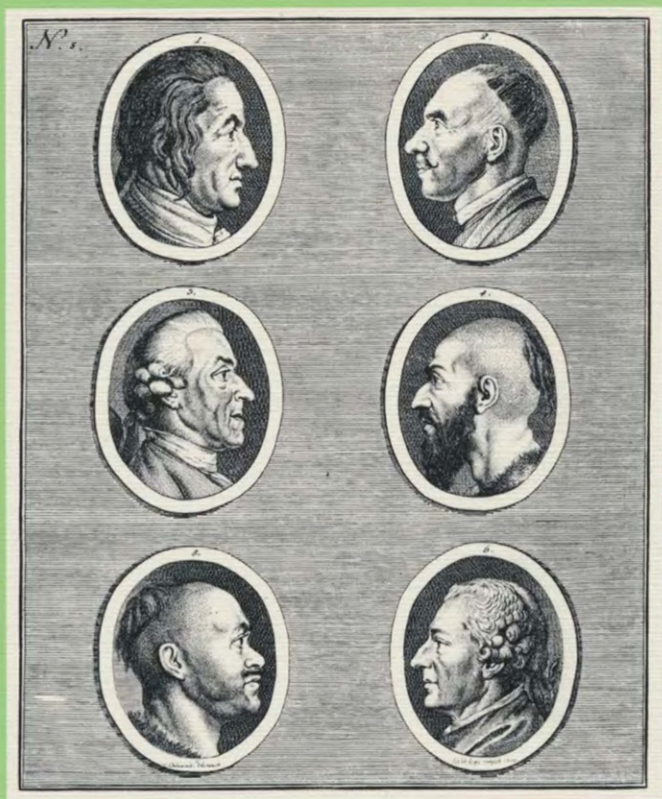

ИОГАНН КАСПАР ЛАФАТЕР

СТО ПРАВИЛ
ФИЗИОГНОМИКИ

Иоганн Каспар Лафатер

СТО ПРАВИЛ ФИЗИОГНОМИКИ

Мир Урании
Москва, 2008

Иоганн Каспар Лафатер

Сто правил физиогномики. Пер. с немецкого Никиты Скородума. — М.: Мир Урании, 2008. — 152 с.

Публикуемый труд является квинтэссенцией всего физиогномического опыта и гениальных прозрений Иоганна Каспара Лафатера (15.11.1749-2.01.1801) — одной из ключевых фигур немецкой интеллектуальной элиты эпохи культурного расцвета Германии.

Воскрешая древнюю науку физиогномику, Лафатер исполнял пожелание знаменитого английского философа Френсиса Бэкона. Причем Лафатер был убежден, что физиогномика — это язык ангелов, а значит, его труд — ключ к осознанию человеком своего высшего “Я” (не случайно Лафатер дружил с Калиостро). Это также незаменимое практическое руководство в любых жизненных обстоятельствах.

ISBN 978—5—91313—017—4

© ООО "Мир Урании", 2007

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части в любой форме запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Содержание

Предуведомление 5

**Первый раздел. Что такое физиогномика
и что включает в себя эта наука 7**

Сто правил физиогномики 18

Второй раздел. Основы физиогномики 61

Третий раздел. О пользе физиогномики 73

**Четвертый раздел. О том, как, возможно,
следует изучать эту науку 79**

О темпераментах 88

Люди и животные 92

О силуэтах 104

**Пятый раздел. Свойства и характер,
требуемые от физиогномиста 109**

Измерение лба 113

Приложение. Иуда кисти Гольбейна 116

Послесловие переводчика.

Никита Скородум. Мудрец с походкой журавля 124

J. C. Lavater

—
von der

Phyſiognomik.

Leipzig,

bey Weidmanns Erben und Reich.

1772.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Этот физиогномический трактат произвел настоящую сенсацию. В итоге мне трудно было устоять перед желанием переиздать его и тем самым сделать достоянием более широкой общественности. Первоначально этот трактат был издан в ганноверском журнале за 3, 7 и 10 февраля 1772 года. Тогда, из уважения к автору, я снабдил трактат несколькими примечаниями. Однако они вызвали резкий протест со стороны господина Лафатера и поэтому в данном издании отсутствуют.

Возможно, кому-то покажется, что автор относится к противникам физиогномики слишком строго, судит их слишком резко. Однако, на мой взгляд, многочисленные ученые мужи в Потсдаме, Берлине и в других городах проявляют не меньшую нетерпимость своими высказываниями о физиогномике. Эти замечания, пока еще неизвестные господину Лафатеру, по пронизательности сродни новизне всего того, что мой друг говорит здесь о физиогномике.

Было бы исключительно полезно выслушать мнения всех компетентных сторон, и только для глупцов у меня нет ушей.

Если кто-то боится, что публикация этого трактата приведет к повальному увлечению физиогномикой, его можно успокоить, в том числе и сославшись на мнение одного философа без статуи, мантии и бороды, однако, не уступающего по значимости самым великим философам древности (господина Зульцера из Берлина). Недавно он написал мне в данной связи: “В физиогномике Лафатера немало глубоких мыслей, и все же горе тому, кто надеется научиться этому искусству, не обладая ни глазами, ни сердцем Лафатера”.

Ганновер 20 марта 1772 года
И.П.Циммерман

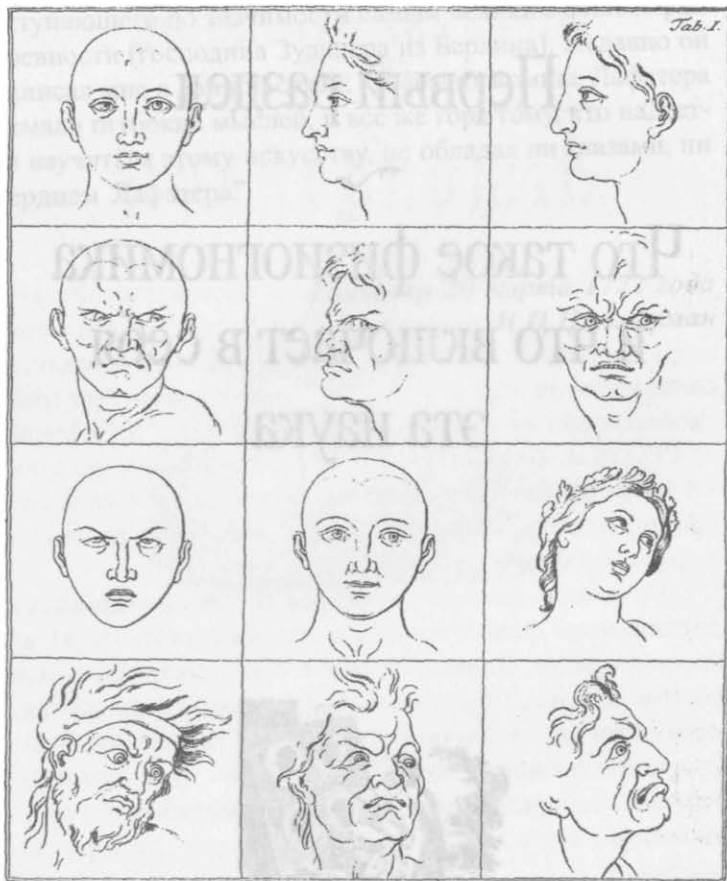

Первый раздел

Что такое физиогномика и что включает в себя эта наука

Физиогномика — это наука постижения характера человека в самом широком смысле этого слова (только не следует смешивать характер с превратностями судьбы и его величием случаем). В самом широком смысле слова следует понимать и физиономию, и тогда она означает все внешние характеристики тела человека, включая движения — с одним условием: эти телодвижения и жесты должны давать что-то новое для понимания его характера.

Неисчислимо разнообразие человеческих характеров, неисчислимо количество точек зрения, с которых можно рассматривать человека.

Поэтому у одного и того же лица может быть не меньшее количество физиономий.

Вот почему физиогномика включает в себя все “характеры” человека, которые в совокупности образуют человеческий характер “в целом”.

Есть характер физиологии, есть — темперамента, есть медицинский, физический, интеллектуальный характеры, характер нрава, приобретенный в силу привычки, характер степени сноровки, умения вести себя в обществе или просто в общении с другими. Физиогномика занимается выявлением непосредственного, простого или совокупного выражения каждого из этих характеров в теле человека или вообще в его внешности.

В качестве опытной и экспериментальной науки физиогномика занимается определением характера по соответствующему выражению; в качестве науки теоретической и трансцендентной она исследует причины связи между характером и его внешним выражением.

Существует еще анатомическая физиогномика, о которой здесь может лишь быть упомянуто.

Физиогномика распадается, таким образом, на две части — историческую и философскую. Между ними большая разница. Философская часть, по-видимому, еще долго останется едва ли не самым трудным предметом человеческого познания. Овладев ею, мы сразу же получили бы ключ к сокровенным глубинам человеческой природы.

Характер сноровки, или степени того, с какой ловкостью тот или иной человек справляется с тем или иным делом, — тоже, по-видимому, является естественным и непосредственным признаком и отличительной особенностью конкретного лица. И разве легкость и быстрота владения тем или иным навыком, тем или иным ремеслом — не отражаются естественным образом на нашей внешности, включая тонкость черт, подвижность и активность?

И разве разум не говорит нам, что все это не более чем естественное продолжение нашего внутреннего навыка, без которого нам никогда не удастся достичь большей легкости, непринужденности и скорости движения?

Из вышесказанного следует, что физиономия человека или все его внешние проявления, так или иначе связанные с телом, не являются чем-то произвольным или делом случая, а напрямую связаны с “внутренним” характером этого человека, и таким образом физиогномию нельзя считать лженаукой.

Было бы нетрудно развить сказанное далее, однако этого не позволяют сделать рамки, которые я себе поставил. Единственное, но необходимое добавление: я вполне допускаю, что и приведенные мной, и другие возможные аргументы в пользу физиогномики покажутся кому-то несостоятельными. Однако опыт решительно говорит в ее

пользу. Поэтому, положив руку на сердце, скажу, что считать физиогномику лженаукой — верх абсурда. Важно только не смешивать физиогномику с ее нерадивой сестрой-гадалкой, претендующей на умение читать по лицам людей их индивидуальную судьбу.

Я был бы только рад, если бы это искусство было навсегда изгнано из храма науки как шарлатанство и досужее измышление ума, пустые фантазмы. И я делаю это на том же основании, на каком я не могу отказать физиогномике в праве называться наукой, а именно, считая, что в его основе лежит совершенно произвольное истолкование связи причин и следствий. Что говорит нам опыт вообще о толковании черт лица? Первое — это то, что степень различия людских физиономий не уступает различию их характеров.

Опыт говорит нам, что любой вещи, как бы она ни называлась, присуща своя особая и индивидуальная физиономия. Своя индивидуальная физиономия есть у каждой груши, своя — у каждого яблока, своя — у каждой виноградины и своя — у каждого листка дерева, и именно наличие этой физиономии позволяет нам судить об их индивидуальных качествах.

Человек — это самое одухотворенное существо на земле, венец творения. Не удивительно поэтому, что, как показывает опыт, у каждого характера есть свое собственное одному ему присущее выражение. Таким образом, человек, отличающийся буйным и неукротимым нравом, будет выглядеть совершенно иначе, чем тот, о котором известно, что он человек спокойный и уравновешенный. Подобные различия во внешности — достаточно велики. Вот почему большинство людей, не отдавая себе в этом отчета и ничего не зная о качествах обоих лиц из общения с ними, с первого же взгля-

да видят: этот человек — скандалист, а этот — спокоен и любезен.

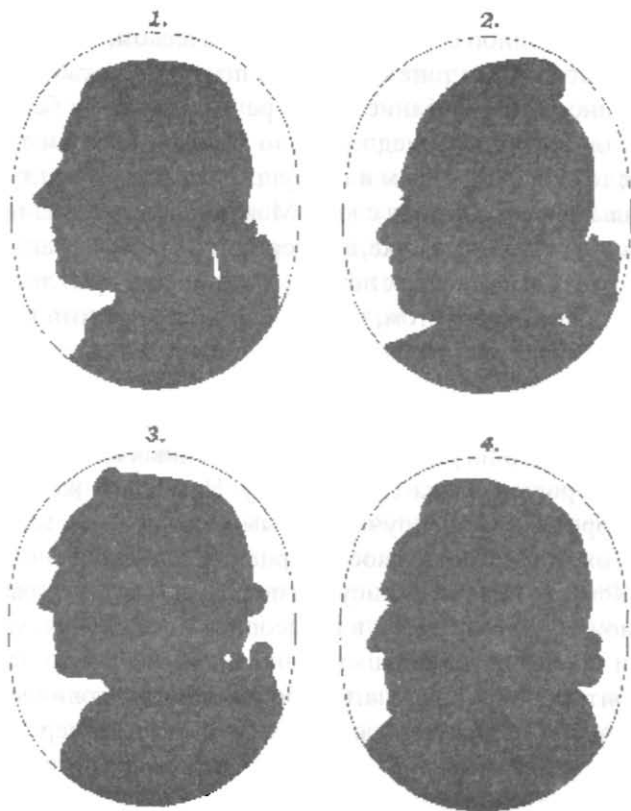
Опыт говорит нам, что вне зависимости от степени развития чьих-либо умственных способностей (включая и некоторых обитателей сумасшедшего дома), по крайней мере, некоторые черты внешности другого лица производят на нас определенное впечатление и приводят к изменению нашей оценки этого лица и нашего поведения по отношению к данному лицу.

Опыт говорит нам, что существуют физиономии совершенно однозначные. Одного их вида достаточно, чтобы совершенно безошибочно сказать это — великий мудрец, это — круглый дурак. Существует ли предел глупости? Чтобы ответить на этот вопрос, я хотел найти лица с проблесками ума в доме для умалишенных, где этих несчастных содержат. И напротив, мне хотелось назвать людей или нарисовать лица, о которых каждый с первого взгляда сразу бы сказал: это, без всякого сомнения, человек разумный и проницательный.

Мы можем признавать это или нет, замечать это или нет, однако внешний вид человека и общее впечатление, производимое на нас его внешностью независимо от душевных качеств и поведения, оказывается для нас в тысячах случаях решающим и если не решающим, то, по меньшей мере, самым существенным.

Не буду входить в детали или делать вид, что я понимаю физиономии (ибо на самом деле мне еще весьма далеко до совершенства). Однако могу, все-таки, привести такой пример: если у человека подпрыгивающая походка, если он смешлив, непоседлив, если у него блуждающий взгляд, не способный ни на чем остановиться, никто не усомнится в том, что данному лицу еще далеко до мудрости, серьезности и основательности.

Четыре силуэта весьма достойных мужей

“Не вызывает сомнения, что в их лице перед нами наиболее пронзительные, утонченнейшие и гениальнейшие представители германской нации”.

Фридрих Арнольд Клоккенбринг (1742-1795)

Возьмем человека, постоянно избегающего смотреть прямо в глаза; человека, который по доброй воле и с каким-то особенным удовольствием косит глазами. Рассказывая о чем-либо серьезном или трагическом, он кривится в усмешке, а в тоне его голоса постоянно сквозят неуверенность и колебание... Его речь сбивчива и бестолкова; он говорит то медленно, то быстро; то громко, то тихо; то встревоженным и плачущим голосом, а то глубоко вздыхая и скупно цедя слова. Можно ни разу в жизни не слышать о физиогномике, а содержание речей указанного лица будет выше всяких похвал, и все же нам вряд ли удастся убедить себя в том, что искренность, чистота намерений и простота составляют сущность и главное достоинство его характера.

Для того, чтобы понять, умен человек или нет, вполне достаточно одних рисунков голов, лишенных жизни и цвета и набросанных на скорую руку. Насколько же более красноречивыми и поучительными могут быть живые лица, их непосредственное созерцание и наблюдение!

Кому-то подобные рисунки покажутся карикатурами. Возможно, мне возразят: в вышеописанных случаях признаки проявляются слишком явно и нам не так-то легко ошибиться, но что сказать о бесчисленном количестве переходных черт, оттенков и нюансов? Разве по мере того как они становятся тоньше, нежнее и невыразимее, они постепенно не ускользают от взгляда исследователя? Так, по крайней мере, кажется.

Однако не следует забывать о том, что в природе нет ничего ни самого по себе малого, ни самого по себе большого, чего-то более заметного или менее заметного, наглядность чего-либо относительна и, во многом, зависит от уровня восприимчивости глаз конкретного наблюдателя. То, что не замечают наши глаза или, возможно, только

нетренированный глаз, может быть легко воспринято другими глазами или нашими же собственными в том случае, если указанный признак длительное время остается на том же месте или рисунке

Например, опытный взгляд эксперта способен находить все новые достоинства и оттенки выразительности в возвышенной картине, которая при этом остается все той же, и эти же оттенки останутся незамеченными для тысяч и тысяч других менее искушенных глаз, чье физическое состояние не уступает, а порой даже и превосходит физическое состояние глаз эксперта.

Наконец, стоит подумать о том, что природа всегда и во всем следует законам, так что ничего не создает без достаточных оснований: ни тупой угол в сто семьдесят девять градусов, ни острый угол в один градус. Поэтому даже на самой начальной стадии и едва заметное искривление черты лица, вне зависимости от выражаемого ею состояния, не происходит беспричинно, как и самый сильно изогнутый контур; это вынуждает нас признать, что и самые тонкие нюансы причинно обусловлены, а значит, они познаваемы и могут быть предметом научного описания.

Любое изменение формы моего тела будет иметь некоторое отношение к моей душе. Рука, не похожая на мою собственную, внесет изменения в пропорции всего моего тела и, следовательно, потребует совершенно другого тела. Таким образом, мир предстанет моей душе под совершенно другим углом и в совершенно новом ракурсе, а значит, и я буду совершенно другим человеком.

То, что у меня именно такая рука, а не другая — красноречивое свидетельство особенности моей души, и это положение сохраняет силу вплоть до любого мускула, до любого нервного волокна. Для того, чтобы убедиться в

этом, обратимся с вопросом к анатому, достойному этого имени. Возьмем два мускула. Пусть наименование у них будет одно, но принадлежать они будут разным телам. Разве их различие будет меньшим различия лиц испытуемых?

Быть может, получение физиогномических выводов на основании одного изучения состояния костей или зуба вызовет у кого-либо снисходительную улыбку. Однако, на мой взгляд, это не менее естественно, чем физиогномическое заключение, делаемое на основании изучения лица. Лицо человека — это некое совокупное выражение жизненных сил личности, и, конечно же, речь не идет о том, что один отдельный член тела может превосходить его по силе и точности выражения.

И все же смею утверждать, что Создатель установил четкие пропорции, или соотношения, между всеми частями машины человеческого тела. Точность этих соотношений такова, что ангел, обладающий более высоким уровнем сознания, чем человеческий, может на основании вида одного сустава или одного мускула мысленно воссоздать все внешнее строение и весь внешний облик человека, и, таким образом, ангелу для вычисления всего характера человека достаточно одного единственного мускула.

Такие великие и наблюдательные анатомы, как Морганьи и Меркель, легко находили кости, принадлежащие скелету одного человека, в груде костей разных скелетов, сваленных в одну кучу. Подобно изготовителю скелетов, художник нередко соединяет в одно целое части, принадлежащие разным людям, однако не замечает это только неопытный глаз. Знаток скажет: ваша рука Ван Дейка не подходит к фигурам Рубенса.

Отсюда, как я полагаю, неоспоримо следует, что в человеческом теле нет ничего, не достойного нашего внимания. Природа говорит с нами одновременно на тысяче языков, причем ее речь весьма понятна и недвусмысленна, так что вина за наше непонимание или неверное понимание лежит не на ней, а на нас. Физиогномика не является лженаукой, и ее истинность нельзя подвергать сомнению.

Возможно, приведенные выше доказательства покажутся кому-то недостаточными. Тогда остается лишь уповать на то, что во все времена существовали и существуют люди, обладавшие невероятным умением определять психологический склад человека по его внешнему виду, делая это почти всегда безошибочно.

СТО ПРАВИЛ ФИЗИОГНОМИКИ

1. Общие правила

О важности первого впечатления. Если человек с первого взгляда произвел на тебя благоприятное впечатление, не забывай об этом. Если ничто в нем тебя не сковывает или не подавляет, и если, оказавшись в его обществе, ты с самого начала чувствуешь себя легко и свободно, ощущаешь прилив сил и бодрости, если даже тогда, когда он не говорит тебе комплименты, и вы вообще не разговариваете, одно его присутствие действует на тебя благотворно, будь уверен: ты никогда в нем не разочаруешься. Природа создала вас друг для друга. Вы способны общаться без слов. Изучай и наблюдай наиболее характерные черты.

2. Общие правила

Немало людей поначалу к себе не располагают, однако чем больше мы их узнаем, тем большей проникаем-ся к ним симпатией.

Человек не понравился тебе сразу из-за некоего несоответствия ваших характеров, однако у вас есть нема-

ло точек соприкосновения, и поэтому он с каждым разом нравится тебе все больше.

Внимательно изучай черту лица, которая с тобой не гармонирует. Если ты не нашел ее в очертаниях рта, у тебя нет особых причин для беспокойства. Если же ты обнаружил ее именно там, продолжи наблюдение и постарайся выяснить, в какие моменты и в связи с чем эта черта проявляется наиболее отчетливо.

3. Общие правила

Ты встретил человека, совмещающего в себе противоположности: сложность и простоту, постоянство и изменчивость, гармонию и необычайную энергию и эффективность. При крайней подвижности, свойственной чертам его лица, целое остается незыблемым, и сама эта подвижность как бы подчинена этому неподвижному целому, гармонирует с ним. Будь уверен, перед тобой — настоящий святой! Но бывает и прямо противоположное, когда налицо резкое, бросающееся в глаза противоречие между неизменной основой характера и подвижными чертами. В этом случае будь предельно осторожен: ты имеешь дело либо с глупцом, либо — с мошенником.

4. Общие правила

Лови те редкие мгновения, когда человек чем-либо застигнут врасплох.

Подмечай при этом, не появилось ли на лице человека какой-либо фатальной черты: злорадства, зависти или надменной гордости. Если человек и в такие моменты,

когда он не вполне владеет собой, сохраняет присущее ему благородное выражение лица, значит он, его лицо и его характер способны выдержать любое испытание, посылаемое судьбой смертным и грешным людям.

5. Общие правила

Люди, черты лица которых не подвержены заметным изменениям, либо очень умны, либо очень холодны или крайне глупы, однако ты не найдешь у них ни настоящей мудрости, ни подлинного энтузиазма, ни душевной тонкости, ни обходительности.

Ты ищешь обладателя недюжинного ума? Ищи того, чьи черты лица соразмерны и при этом четко очерчены и резко выражены.

Хочешь найти глупца? Ищи человека, чьи черты смазаны, лишены нюансов, определенности, изгибов или закруглений.

6. Общие правила

Если у человека искривлена фигура,
если у него кривой рот,
если у него искривленная походка,
если у него кривой почерк, то есть движется в разных, противоположных направлениях, таковы же будут и образ мыслей этого человека, и его характер, и его манера поведения. Всем его проявлениям будут свойственны криводушие, непоследовательность, односторонность, изворотливость, лживость, хитрость, непостоянство, противоречивость, коварство, бездушие.

7. Лоб

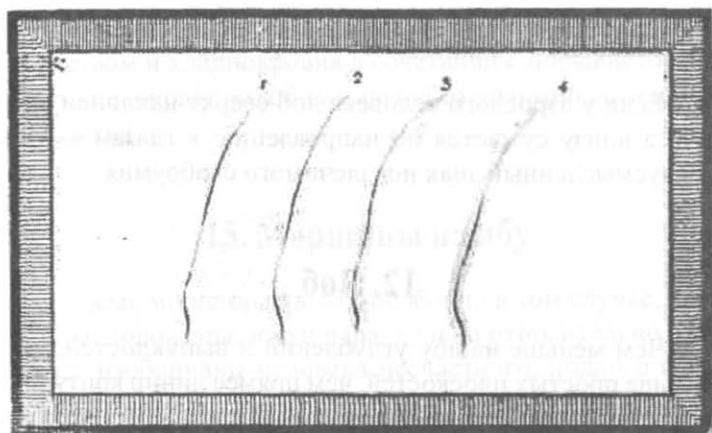
Если у человека лоб правильной овальной формы, а брови (что важно) — четко очерчены и густы, взгляни — нет ли в середине между бровями едва заметной перпендикулярной складки (одной или двух параллельных). Складка не должна быть слишком длинной. Ты нашел ее! Тогда перед тобой, несомненно, лоб первой величины. Такие лбы бывают лишь у исключительно умных и достойных людей. Встречаются подобные лбы и у женщин. В этом случае тебе редко доведется увидеть в ком-либо более ума, порядочности, скромности и поистине королевской гордости.

8. Лоб

Если в середине лба и ниже находится едва заметная продолговатая впадина, то это говорит о слабоумии. Я сказал — едва заметная, если это углубление явно выражено, то все меняется.

9. Лоб

Бывает, что лоб — продолговатый и кожа его натянута, как барабан. Причем даже в тех редких случаях, когда такой человек радуется, на его лбу не появляется ни одной морщины. Это — свидетельство черствости, хамства, подозрительности, уныния, упрямства, назойливости, претенциозности, раболепия и злопаметности.

4 — не очень умен, однако умнее 3-го, 3-й — умнее 2-го, 2-й — 1-го.

10. Лоб

Если у человека сильно выпуклый лоб или, наоборот, очень покатый, а вдобавок — крючковатый нос и несо-размерно длинный низ лица, то это говорит о глупости.

11. Лоб

Если у взрослого человека лоб сверху наклонен впе-ред, а внизу сужается по направлению к глазам — это недвусмысленный знак неизлечимого слабоумия.

12. Лоб

Чем меньше на лбу углублений и выпуклостей, чем больше простых плоскостей, чем прямее линии контуров, тем банальнее и ограниченнее способности рассмат́рива-емого лица, тем беднее оно идеями и тем менее изобре-тательно.

13. Лоб

Бывает, что лоб имеет прекрасную овальную форму, достойную гения, однако свидетельствует лишь о шутов-стве и скудоумии. Все дело в том, что брови — едва на-мечены или их очертаниям не хватает четкости. Так узнают подражателей и эпигонов.

14. Лоб

Если у человека продолговатый лоб, увенчанный чем-то вроде шишки сферической формы, и, как правило, не слишком покатый, то это свидетельство трех неразрывно связанных между собой черт характера. Как-то: гениальных прозрений при отсутствии склонности к спокойному обдумыванию и анализу, упрямства в сочетании с непостоянством и хладнокровия в сочетании с порывистостью — что не лишает подобных людей толики тонкости и благородства.

15. Морщины на лбу

Косые морщины на лбу, особенно в том случае, если они расположены почти параллельно относительно друг друга, изобличают человека несчастного, подлого и подозрительного.

16. Морщины на лбу

Параллельные, ровные и не слишком глубокие морщины, а также морщины, изогнутые под одним углом, говорят о пронизательности, мудрости, честности и прямоте души.

17. Морщины на лбу

Если верхняя половина лба изборождена резкими морщинами, и они при этом имеют дугообразную форму, а

нижняя половина лба остается при этом гладкой и лишенной морщин, то можно не сомневаться — такой человек исключительно глуп и почти не способен к абстрактному мышлению.

18. Морщины на лбу

Если при малейшем движении кожи на лбу лобные морщины резко опускаются вниз по центру, то, скорее всего, у такого человека — слабая воля. Если морщины неподвижны, глубоки и идут далеко вниз, то можно быть уверенным — это человек недалекого ума, глуп, а вдобавок, столь же скуп, сколько мелочен. Однако, если ты видишь три почти горизонтальные параллельные линии и под ними линию, заметно опускающуюся вниз в центре, обрати на это внимание, так как возможно перед тобой — гений.

19. Морщины на лбу

Если морщины на лбу расположены в беспорядке и в противоположных направлениях, а при этом достаточно глубоки — это явный признак примитивного, неуравновешенного и непокладистого человека.

Взгляни: не разделены ли брови пространством, имеющим форму прямоугольника, или “ворот”. В последнем случае между бровями не должно быть ни одной складки, даже если бы все вокруг было изборождено морщинами, — о, это несомненный знак крайнего слабоволия и несобранности.

20. Морщины на лбу

Когда человек, слушая, кривит рот, косится по сторонам и прислушивается, а на лбу его при этом образуются резкие, беспорядочные и косые морщины, это явное свидетельство того, что, при всех прочих достоинствах, это лицо человека грубого, подозрительного без меры и честолюбивого.

21. Глаза

Большие глаза голубого цвета, почти прозрачные, если смотреть на них в профиль, говорят о том, что их обладатель быстро все схватывает и способен “переварить” большой объем информации, однако такие люди весьма ранимы, непокладисты, мнительны, ревнивы и нетерпимы, а к тому же похотливы и патологически любопытны.

22. Глаза

Маленькие, черные глаза, испускающие искры, под густыми черными бровями, глубоко посаженные, в сочетании с насмешливой улыбкой редко не говорят о хитрости и проницательности. При отсутствии постоянно насмешливого выражения рта, у таких людей — холодный глубокий ум, утонченный вкус, бездна элегантности и точности, и все же им не хватает щедрости. Их портит мелочная скаредность.

23. Глаза

Если, при взгляде в профиль, глаза находятся почти на одной линии с носом, однако не переходят за эту черту — это всегда свидетельство слабой конституции, а в случае отсутствия каких-либо других признаков, говорящих о противоположном, — умственной отсталости.

24. Глаза

Бывает, что когда человек находится в состоянии эйфории или влюбленности, около его глаз образуется множество морщинок или их не бывает вовсе. — Это признак характера мелочного, недалновидного, малодушного, или совершеннейшего идиота.

25. Глаза

Если у глаз длинные, заостренные и в особенности горизонтальные уголки, то есть такие, которые не опускаются вниз, а у век — толстая кожа и они наполовину прикрывают глазное яблоко, то такой человек — гений сангвинического темперамента.

26. Глаза

Большие, открытые, прозрачные глаза, быстро двигающиеся и испускающие искры под параллельными, резко очерченными верхними веками, говорят о наличии сразу

пяти качеств: наблюдательности, элегантности и вкусе, раздражительности, гордости и неудержимого влечения к женскому полу.

27. Глаза

Едва заметные, узкие, почти лишенные растительности брови при наличии длинных ресниц — свидетельство как слабой телесной конституции, так и незначительности душевных сил при общем флегматико-меланхолическом складе характера.

28. Глаза

Спокойные и одновременно сильные, быстро оценивающие, проникающие, но нежные, ясные, томные, источающие негу, медленнодвигающиеся глаза, которые слушают, когда смотрят, которые любят увиденным и буквально впиваются в то, что видят, глаза, которые окрашивают наблюдаемый объект своей собственной сущностью, привнося в увиденное нечто от себя, для которых сам процесс созерцания является средством бесконечного наслаждения, — эти глаза никогда не бывают ни совершенно круглыми, ни раскрывающимися полностью, никогда не бывают ни посаженными глубоко, ни выступающими далеко вперед, никогда не образуют ни тупых углов, ни слишком острых.

29. Глаза

Посмотрим на глубоко посаженные маленькие, резко очерченные матовые голубые глаза и вертикальный лоб с ярко выраженной костной основой. Нижняя часть лба опущена, верхняя заметно выступает вперед. Такое сочетание встречается только у людей, не лишенных ума и проницательности, однако это прежде всего люди гордые, мнительные, жесткие и бессердечные.

30. Глаза

Чем больше выступает вперед верхнее веко и кожа над глазным яблоком, чем резче оно отделено от самого глаза, затеняя зрачок, и чем глубже отступает оно назад в глазную впадину под набровные дуги, тем более у данного лица ума, тонкости восприятия, впечатлительности, гениального вкуса, тем больше утонченности и верности, сердечности и тем больше ему можно доверять.

31. Глаза

Ты застал этого человека в момент созерцания одного из бессмертных творений человеческого гения. Однако — в отсутствии зрителей (не для кого стараться или делать вид!) — его глаза остаются пустыми, в них нет ни тени благоговения или серьезности. От таких глаз бесполезно ждать отклика на красоту, проявления чувствительности или возвышенного образа мыслей. Не доверяй им! Они не способны ни любить, ни быть любимыми. На та-

ком лице не найти ни одной черты, свидетельствующей о прямоте и силе характера.

Спросим себя — как выглядят такие глаза? Среди всего прочего, все они — выступающие из орбит, маленькие и буквально “утопленные” в глазных впадинах. Их верные спутники — кривые губы и высокие перпендикулярно опущенные лбы, в которых очень резко выражена костная основа. Их обладатели — долихоцефалы.

32. Глаза

Бывает, что радужная оболочка глаза видна полностью, или того более, под нею и над нею обнажается белок. Это либо свидетельствует о состоянии крайнего напряжения и неестественности, либо встречается у людей крайне беспокойных, страстных, наполовину безумных. И никогда у людей совершенно адекватных, зрелых, здоровомыслящих и тех, на кого можно положиться.

33. Глаза

Широко открытые, выпученные глаза на невыразительных лицах свидетельствуют об упрямстве без стойкости, глупости с претензией на всезнание, темпераменте холодном при желании казаться теплым и крайней возбудимости без врожденного энтузиазма.

34. Брови

Посмотрим на ясно очерченные, густые и тенистые брови, нависающие, подобно козырьку крыши. Если эти

брови к тому же ровные, то это — явный признак здравомыслия и возмужалости, однако лишь в редких случаях — оригинальности и независимости суждений, никогда — непостоянства, влюбчивости и задушевности... Перед тобой — государственный деятель, кабинетный ученый, советник, плановик, эксперт, но вряд ли или весьма редко смелый и дерзновенный обладатель ума первой величины.

35. Брови

Густые, пышные, четко очерченные горизонтальные брови всегда показатель разума, холодной головы и предприимчивости. Никогда не будет дико растущих бровей у человека нежного, покладистого, ищущего опоры в другом.

Брови, высоко поднятые, прерванные, короткие, густые, не длинные и не широкие, как правило, говорят о хорошей памяти, хитрости, конформизме и показном благочестии.

36. Брови

Взгляни на густые, черные, выразительные, опускающиеся вниз брови. Обрати внимание на глубоко посаженные, большие глаза. При взгляде на них создается впечатление, что эти брови и эти глаза соприкасаются вплотную. Взгляни, как глубоко врезалась морщина, при малейшем движении выражающая презрение, неприступность и мину издевательского превосходства. Взгляни на этот бугристый лоб. Если ты вынашиваешь планы мщениия или в тебе проснулось садистское желание помучить кого-либо,

обратись к этому господину, и ты найдешь в его лице ценного советчика. В противном случае, делай все, чтобы быть от него подальше, и постарайся, чтобы он — упаси Боже — ничего не заподозрил.

37. Нос

На весах физиогномики нос, правильный с физиогномической точки зрения, значит невероятно много. Нет ничего, что могло бы сравняться с ним в этом отношении. Нос аккумулирует в себе свойства лба и является корнем нижней части лица. Нос никогда не сможет претендовать на солидное место в физиогномическом табеле о рангах, при отсутствии у этого носа изящной горбинки, излома или заметного изгиба. В этом случае о наличии больших духовных возможностей не может быть и речи.

Очень важно наличие небольшого углубления в том месте, где лоб переходит в нос (переносице), что бывает в том случае, если нос крючковатый — в противном случае его значение невелико.

38. Нос

Если кончик носа слишком опущен вниз, от обладателя такого носа не следует ожидать ни подлинной доброты, ни неподдельной веселости, ни благородства, ни великодушия.

Обладатель подобного носа думает все больше о земном, замкнут, холоден, бессердечен, скрытен, а зачастую не чужд злословия, его мучают дурное настроение, ханд-

ра или меланхолия. Если нос при этом крючковатый — такой человек опасен и похотлив.

39. Нос

Если нос чуть вздернут и заметно углублен в переносице, а лоб скорее прямой, чем покатый, то такие люди неравнодушны к плотским утехам, комфорту, ревнивы и строптивы, что не мешает им оставаться деликатными и справедливыми и проявлять щедрость и великодушие.

40. Нос

Нос, лишенный какого бы то ни было своеобразия, ничем не примечательный, без нюансов, горбинки, изгиба может принадлежать человеку здравомыслящему, доброму, пожалуй, даже и благородному, но никогда действительно выдающемуся и достойному.

41. Нос

Бывают носы, по бокам которых много резких морщин, видных при малейшем движении, и которые остаются заметными даже в состоянии полного покоя. Это признак людей медлительных, надоедливых, зачастую страдающих от ипохондрии и нередко злокозненных.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

42. Нос

Если человек постоянно и по любому поводу недовольно морщит нос, то такой человек редко бывает понастоящему добродетельным. Не менее верно и другое. Нос, который, при всем желании, не способен сморщиться, никогда не встретится на лице закоренелого злодея.

Привычка морщить нос постепенно приводит к образованию глубоких складок. Однако порой подобные складки встречаются и у вполне приличных людей. В этом случае их благие намерения погребены под их патологической глупостью.

43. Нос

Вздернутые носы у людей холерического темперамента, а вдобавок грубых и бесцеремонных, могут свидетельствовать о крайней жестокости, изуверстве и склонности к тирании. Так бывает в тех случаях, когда у вышеописанных людей высокий лоб и выдающиеся надбровные дуги.

44. Нос

Сотня вздернутых носов — у весьма умных и талантливейших людей — если при этом не перейден некий порог глупости, компенсировать которую не дано ни одной другой черте.

45. Щеки

Одной из наиболее важных черт является складка, соединяющая конец губ и крыло носа.

От степени ее изогнутости, длины, от расстояния до губ зависит характер в целом.

Если эта складка имеет дугообразную форму и лишена каких бы то ни было нюансов и изгибов, это верный признак глупости.

Если край складки примыкает непосредственно к губе, это говорит о том же.

Аналогичный показатель, если край складки расположен несоразмерно далеко.

46. Щеки

Если, когда человек улыбается, около его рта образуются три параллельные дугообразные складки — это источник глупости человека.

47. Рот

Возьми плоскую линейку и измерь ширину рта у носа и ширину глаза вплоть до внутреннего края глазного яблока. Если ширина рта равна ширине глаза, то это рот дурака.

48. Рот

Если нижняя губа и зубы выступают вперед на расстояние, равное половине ширине рта в профиль, не

обольщайся: в зависимости от остальных показателей, ты имеешь в лице этого человека одно из четырех или сразу все вместе следующие качества: глупость, грубость, коварство, скупость.

49. Рот

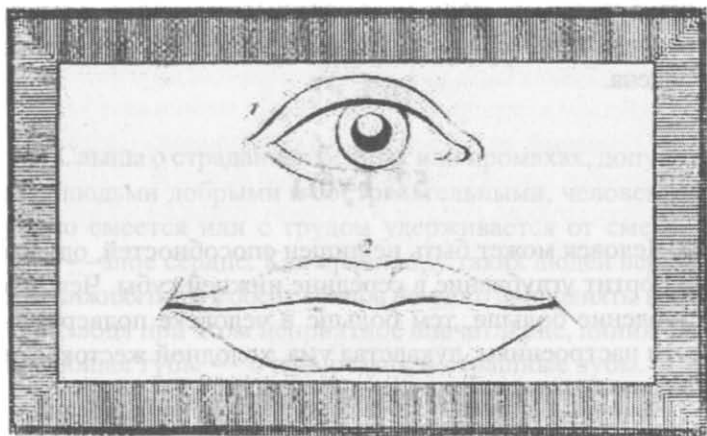
Взгляни на человека, у которого миловидный рот, выражающий расположение к людям. Этот рот всегда сохраняет правильные очертания и никогда не искажается в гримасе, что бы этот человек ни делал, в каком бы состоянии ни находился: молчал или говорил, слушал или вопрошал, отвечал или рассказывал, смеялся или плакал, печалился или веселился. Ты никогда не увидишь на этих устах зловещего зуба коварства. Никогда не предпринимай ничего против этого человека. Теперь посмотри на того, у кого дрожит половина верхней губы и кто пытается скрыть это. Насмешки такого человека будут для тебя поучительными, однако нанесут тебе глубокую рану.

50. Рот

Все диспропорции между верхней и нижней губой — знак глупости или злобы.

У наиболее мудрых и добродетельных людей верхняя и нижняя губы соразмерны.

Однако бывает, что губы правильной формы, но слишком большие. Тогда это всегда знак, говорящий о неводержанности, крайней чувственности, отсутствии деликатности, а также глупости и злобе.

51. Рот

Искривленные в презрительной гримасе губы говорят о сердце, в котором нет любви.

Тот, у кого уголки губ заметно и далеко опускаются вниз, будет иметь презрение на губах и каменное сердце, в особенности, если нижняя губа больше верхней и ниже опущена.

52. Губы

Человек может быть не лишен способностей, однако все портит углубление в середине нижней губы. Чем это углубление больше, тем больше в человеке подверженности настроениям, лукавства ума, холодной жестокости и низкого коварства.

53. Рот

Если человек производит впечатление весьмаобразительного и цветущего, однако ближе к середине рта есть место, где рот почти или вообще не закрывается, позволяя видеть зуб даже тогда, когда рот закрыт — это знак холодного безжалостного деспота, надменного злодея и садиста.

54. Рот

У этого человека резко очерченный рот с тонкими губами и уголки рта, поднятые вверх. При взгляде в про-

филь видно, что расстояние между ртом и носом имеет выгнутую форму, начиная с самого носа.

Такой рот изобличает, как правило, людей хитрых, деятельных, предприимчивых, холодных, твердых, угодливых и к тому же чудовищных скряг.

55. Рот

Слыша о страданиях бедных или промахах, допущенных людьми добрыми и сострадательными, человек злобно смеется или с трудом удерживается от смеха. У него — злое сердце. Как правило, у таких людей верхняя или нижняя губы с обеих концов немного приподняты вверх, производя при этом неприятное впечатление, линия, разделяющая губы — очень резкая и страшные зубы.

56. Рот

Если у кого-либо маленький узкий рот, крохотные ноздри и овальный лоб, то такой человек крайне пуглив, патологически боязлив, болезненно тщеславен и не слушает ничьих советов. Если, в дополнение к вышеназванным приметам, у него большие, выпученные мутные глаза, подбородок — длинный и с выпирающими костями, то пред тобой — полный идиот. Сказанное особенно верно, если у него постоянно не закрывается рот. Однако если вышеназванные характеристики выражены слабо, то это — домосед, с ним можно иметь дело, и он благочестив.

57. Подбородок

Если подбородок однозначно говорит об уме, то перед тобой человек по-настоящему умный. Чтобы подбородок говорил об уме его обладателя, в середине подбородка должна быть ложбинка или впадина. При этом нижняя часть подбородка должна немного выступать вперед и на ней должны быть какие-либо ямки или другие неровности. Внизу в середине должно быть небольшое углубление. Длинный, широкий грубый подбородок — я говорю о подбородке с выступающей костной основой — говорит о человеке грубом, гордом и готовом пойти на крайности ради осуществления своих целей.

58. Лоб и рот

Если ты хочешь знать, каков человек по своим природным данным или кем бы он *мог* стать в силу данных ему от природы способностей, то, прежде всего, обрати внимание на его лоб. Если хочешь знать, кем он *стал*, смотри на его рот, когда тот находится в спокойном состоянии и закрыт. Открытый рот показывает, что человек усвоил, а что — нет. Если рот в закрытом состоянии не стиснут, не зажат, если губы — пропорциональны, а лоб — покатый с плавными очертаниями и подвижной кожей и не слишком глубокими морщинами, то относись к такому человеку, как к святому.

59. Глупость

Если у кого-либо ширина рта в профиль равна половине расстояния от верхнего века до края губ, то такой человек — дурак.

60. Глупость

Взгляни на нижнюю часть лица, считая от носа. Если у кого-либо средняя линия рта делит эту часть пополам, то такой человек — дурак.

61. Глупость

Если у кого-либо нижняя часть лица, считая от носа, меньше ее трети, то такой человек — дурак или, вполне допускаю — шут.

62. Глупость

Если у кого-либо нижняя часть лица значительно больше двух верхних частей, то такой человек — дурак.

63. Глупость

Посмотри на человека в профиль. Чем тупее угол, образуемый глазом с линией рта, тем бездарнее и глупее данное лицо.

64. Глупость

Измерьте лоб человека с помощью гибкого метра. Если при таком способе измерения лоб окажется значительно короче носа, измеренного таким же способом, на-

чиная от конца лба, то такой человек — глуп от природы. Суть дела не меняется даже и в том случае, если при измерении отвесной линейкой длины лба и носа окажутся одинаковыми.

65. Глупость

Если расстояние от уголка глаза до середины крыла носа меньше, чем расстояние от крыла носа до края рта, то такой человек — дурак.

66. Глупость

Если у кого-либо расстояние между глазами заметно больше ширины каждого глаза, то такой человек — дурак.

67. Шут

Ты видишь человека, с губ которого не сходит кривая усмешка, который изнывает от безделья и который, приветствуя кого-нибудь, не удосуживается поклониться, ограничиваясь одним кивком головы, — таков шут.

68. Непостоянство

Если у кого-нибудь лоб — низкий, перпендикулярно-опущенный и бугристый сверху и, вдобавок, изборожден

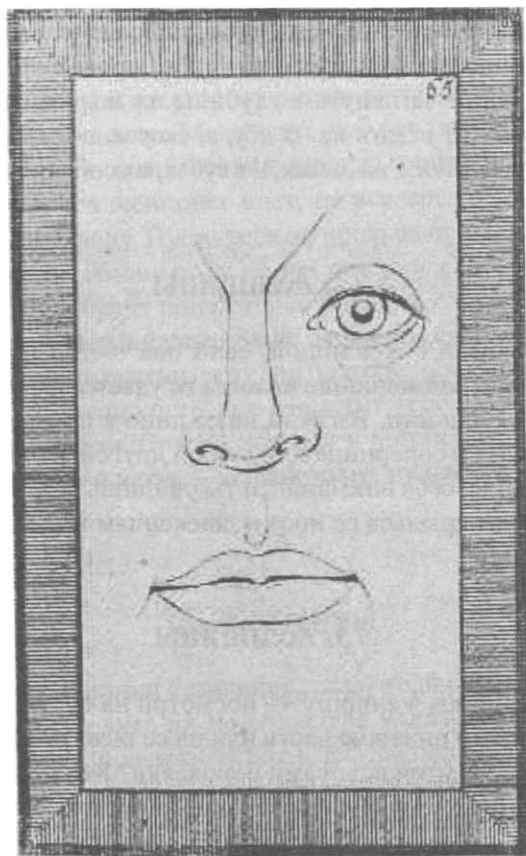
беспорядочными морщинами, если пространство между бровями — плоское, глаза большие, светлые, выпученные, серо-голубые, нос — маленький, верхняя губа — длинная, цвет кожи — бледный, губы — беспокойные, то, по моим наблюдениям, такой человек далеко не глуп, у него хорошая память, он очень активен, но при этом — интриган и крайне непостоянен: то он — само радушие, а то к нему не подступиться, у него то — безмятежный вид, а то — вид настоящего пройдохи.

69. Хитрецы и мошенники

Маленькие, матовые, грубо очерченные глаза, взгляд которых заставляет подозревать дурные намерения, землистый цвет лица, плоские, короткие, темные волосы, вздернутый нос, выпяченная вперед и вывернутая вверх нижняя губа — разве это сочетается со лбом правильной формы и свидетельствующем о недюжинном уме? В итоге мы имеем изворотливых и лукавых демагогов, скользких, злобных скандалистов, людей хитрых, коварных, мнительных, корыстолюбивых и чудовищных.

70. Упрямство

Чем выше лоб и чем меньше по отношению к нему остальная часть лица, чем бугристее вдавленный лоб, чем глубже расположение глаз в глазной впадине, чем меньше углубление, отделяющее лоб от носа, чем более сжаты губы, чем шире подбородок, чем ближе к вертикальной линии лицевой профиль, тем неуступчивей нрав, тем тверже характер.

71. Женщины

Лишь тысячная доля того, что в данной связи известно, может быть доверена бумаге. Всем женщинам, без исключения, присущи гордость и тщеславие. Достаточно задеть одно из этих качеств, чтобы проявились черты, позволяющие заглянуть в глубины их подсознания. Эти черты следует искать не на лбу, а, скорее, в крыльях носа, морщинах на носу, на щеках, и в губах, и особенно в улыбке.

72. Женщины

Не дружи с женщиной, если она — лукава. Самой умной и хитрой женщине никогда не удастся скрыть своей лукавой сущности. Взгляни на ее лицо в профиль, когда речь пойдет о сопернице или любой другой женщине, обратившей на себя внимание, и ты увидишь ее реакцию по движениям крыльев ее носа и движениям верхней губы.

73. Женщины

Ты видишь женщину — посмотри на ее подбородок, особенно его нижнюю часть или на ее шею — нет ли там бурой и покрытой волосами бородавки? Как правило, таким женщинам присуща добропорядочность и трудолюбие. Они — хорошие домохозяйки, однако неисправимые сангвиники, влюбленные до абсурда. Их недостаток — болтливость, однако все, не касающееся интересующего их предмета, их не волнует. Они быстро становятся назойливыми, и от них с трудом избавляешься. С ними надо

обращаться бережно и, вежливо отклоняя их приставания, держать их на расстоянии.

74. Женщины

Походка этой женщины производит крайне отталкивающее впечатление. Мало того, что эта походка не радует глаз, она — импульсивна, лишена грации и достоинства. Когда эта женщина идет, ее все время кидает из стороны в сторону. Пусть тебя не прельщает красота этой женщины, не обманывает ее ум, не привлекает ее доверие. Ее слова будут под стать ее походке, а ее поведение — столь же фальшивым, как ее слова. Ты свернешь ради нее горы и не дождешься от нее благодарности, а за твою малейшую оплошность она отомстит тебе самым чудовищным образом. Сравни походку и линии на ее лбу, походку и складки у рта — тебя поразит то, насколько в них много общего.

75. Женщины

У этих женщин бегающие глаза, подвижная, морщинистая, вялая, чуть ли не обвисшая кожа, орлиный нос, розовые щеки, подвижный рот, выступающий подбородок, овальный морщинистый лоб, покрытый тонкой кожей. Они красноречивы, наделены богатым воображением, честолюбием и превосходной памятью. Однако все это не избавляет их от неодолимой тяги к флирту, а наличие ума не спасает их от безрассудств.

76. Женщины

Взгляни на эту женщину с продавленной переносицей: у нее полная грудь и выступающие вперед клыки. Она безобразна и груба, и все же такие женщины будут пользоваться сногшибательным успехом и казаться невероятно соблазнительными в глазах сонма прожигателей жизни из числа простонародья. Такая женщина вскружит голову любому мужчине легче, быстрее и вернее, чем подлинная красавица.

Худшие из путан, промышляющих перед консисториями, имеют эти черты.

Бойся их, как чумы, и никогда не вступай в связь, даже если это узы брака и если у подобной особы — безупречная репутация.

77. Бородавки

Широкая, коричневая бородавка на подбородке. Ты никогда не встретишь ее на лице человека по-настоящему мудрого, благородно-спокойного. И, напротив, она — частый гость у людей недалеких и ограниченных. Иногда все же случается, что человек — мудр, но на подбородке у него — бородавка. Можно быть уверенным, что у этого человека нередки мгновения полного отсутствия мысли, помутнения сознания и невероятного малодушия.

78. Бородавки

Небольшие бородавки на лбу и между бровями бывают и у людей весьма приятных в общении и неглу-

пых. Однако большая бурая бородавка на верхней губе всегда свидетельствует о некоем существенном душевном изъяне или, по крайней мере, о каком-то важном недостатке. Сказанное усугубляется, если на бородавке растут волосы.

79. Ни к чему не годный

Одутловатые и дряблые щеки, большой рот, похожий на губку, рост ниже среднего, на лице веснушки, плоско лежащие волосы, не вьющиеся, морщины на лбу изломанные и в противоположных направлениях, сплюснутый сверху череп, глаза — беспокойные, с опущенными вниз уголками: список этих качеств — гарантия никчемности их обладателя.

80. Осторожность

Не доверяй тому, у кого вкрадчивый голос, но язвительное перо, кто мало говорит, но много пишет, кто цедит слова, но хохочет без устали, с чьих уст не сходит улыбка, в которой сквозят насмешка и презрение. Ты узнаешь его по следующему описанию: низкий лоб, широкий нос, маленькие губы или выпяченная нижняя губа — и при этом большие глаза, избегающие смотреть прямо — в особенности же, широкие и массивные челюсти, выдающийся вперед подбородок.

81. Лицемерие, слабоволие

Слабоволие и тщеславие — главный источник лицемерия. Основные признаки того и другого — смазанные, нечеткие и плоские черты в сочетании с определенной грацией в движениях, холод в момент возбуждения. Ты видишь эти черты? — жди если не лицемерия, то непостоянства, граничащего с лицемерием.

82. Улыбка

Тот, кто, улыбаясь, выигрывает и, смеясь, теряет, чье лицо и без улыбки кажется мило улыбающимся, кто, и не говоря ни слова, распространяет вокруг себя ауру доверия и радушия, тот, кто мило улыбается при виде радости невинного создания и внимая похвале заслугам, не имеющим себе цены, — в таком лице и в таком характере все будет проникнуто благородством и преисполнено гармонии.

83. Избегать

Воздержись от общения с жирным холериком, который постоянно что-то жует, чьи выпученные глаза блуждают по сторонам, который ничего не говорит без аффектации, который привык изъясняться грациозно, витиевато и напыщенно и который все делает неаккуратно и небрежно. Ты узнаешь его по короткому, вздернутому носу — пуговкой, по никогда не закрывающемуся рту с дергающейся нижней губой, по нависшему бутристу лбу, по не-

вероятно шумной походке и шагам, которые слышны за версту, — во всем этом сквозит презрение к окружающим и отсутствие гибкости, ущербность с претензией на целостность, злоба под вывеской добродушия.

84. Избегать

Избегай чванливого, напыщенного пустозвона, обо всем имеющем свое мнение. Он не говорит, а “вещает”, и при этом его глаза расширяются, вылезают из орбит, брови щетинятся, вены наливаются кровью, нижняя губа выпячивается, шея напрягается и утолщается, руки сжимаются в кулаки. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется некий сиятельный синьор, о котором известно, что он — твой друг. Что за разительная перемена! Лицо твоего собеседника немедленно принимает вежливо-холодное выражение, он щурит глазки и поджимает губы.

85. Двойственность

Взгляни на господина, черты лица которого крайне изменчивы, у которого постоянно меняется цвет лица и который тщательно скрывает эти резкие перемены. Ему нет равных по части притворства: секунда — и он сделал вид, что ему все равно. Обрати внимание на рот этого человека! Именно здесь в наибольшей степени проявляется его бесподобное умение по своей воле расслаблять или, наоборот, напрягать мышцы, которые его послушные рабы. Стоит ему почувствовать, что за ним наблюдают, и он принимает отсутствующий вид. Он более умен, чем добродушен, больше светский человек, чем философ,

больше политик, чем наставник, больше хороший товарищ, чем верный друг.

86. Мыслитель

Ты ищешь мыслителя “милостью Божией”? Взгляни на место между бровями и на переносицу. Если ты не увидишь там ни одной впадины или углубления, ни одного проявления утонченности или энергии, ты можешь спокойно оставить поиски: тебе не удастся обнаружить ни одной черты мыслителя, ни в лице, ни во всей внешности, ни в действиях, ни в образе мысли. Я говорю — мыслителя, то есть человека, испытывающего неискоренимую потребность в формировании истинных, ясных, определенных, последовательных и взаимосвязанных понятий.

87. Распутник

На его подбородке или шее есть коричневатое пятно, и на этом пятне растет длинный волос. Иногда этот волос — прямой как игла, а порой он — сильно выющийся, неукротимый и дикий. Такой волос весьма определенно говорит о неимоверной похоти, редко не сопровождаемой неимоверным легкомыслием.

88. Непреклонность

Некоторые признаки:
перпендикулярный лоб, испещренный многочисленными бугорками, либо очень высокий, либо очень низкий,

заостренный, маленький, короткий нос, или нос картошкой, с широкими ноздрями, впалые щеки, вытянутые в длину, или резко очерченный нос. Нижние зубы заметно выдаются вперед, верхние — либо очень длинные, либо очень короткие.

89. Избегать

Взгляни на человека, который, не страдая косоглазием, тем не менее, привык смотреть сразу в две стороны, чьи маленькие серенькие глазки смотрят под разным углом, чьи зубы изъедены кариесом, у кого сутулая спина (рост при этом не имеет значение) и кто порой улыбается гаденькой улыбкой. Старайся быть от него подальше. Пусть тебя не прельщают ни его пронизательность, ни его эрудиция и остроумие; это человек — лживый, бесчестный, безнравственный, наглый, злокозненный, корыстолюбивый и низкий.

90. Избегать

Избегай людей с большими глазами на маленьких личиках, с маленькими носиками и маленькими фигурками. Ты вдруг чувствуешь, что им совсем невесело; выражая радость встрече с тобой, они не умеют скрыть подленькую усмешку.

91. Избегать

Сторонись людей тучных, с маленькими подслеповатыми глазками, круглощеких, обрюзгших, толстогубых, с мешкообразным подбородком, все интересы которых ограничены телесными нуждами. Все, что им хочется, это — откашливаться, плевать, нюхать табак, жевать и ковырять в носу, и они не стесняются себя ни в чем, было бы желание. Такие люди — суетливы, пусты, вялы, ревнивы, слабовольны, “всезнайки”, ненадежны, легкомысленны, похотливы, непредсказуемы, любознательны и мало восприимчивы. И тот, кто мало получает, мало дает.

92. Избегать

Взгляни на человека, который ступает, крадучись, наклонившись вперед, идя навстречу, берет свои обещания обратно, тоном просителя говорит дерзости. Стоит тебе отвернуться, он пристально смотрит на тебя, но никогда не осмеливается посмотреть тебе спокойно в глаза, никогда не скажет ни о ком доброго слова, готов в каждой профессии увидеть недостатки и в каждом утверждении — противоречие. Если бы ты мог ощупать череп этого человека — какие скрытые диспропорции! Сколько бугорков неправильной формы! Какое странное соседство пергаментной мягкости и железной твердости! Даже если общение с ним сулит тебе выгоды, ты приобретешь меньше, чем потеряешь. И в данном случае обрати особенное внимание на морщины на его лбу. Сделай это, когда он будет попирать ногами прямодушного, невинного и благочестивого человека. Сделай это тогда, когда ты заставишь его беседующим с отъявленным мошенником, низ-

менная сущность которого тут же высветит всю низость характера данного человека.

93. Избегать

Каким умным, ученым, проницательным, ловким, каким полезным и необходимым кажется этот человек, когда он раздумывает или делает вид, что все время погружен в раздумья! Когда он напускает на себя важный вид, чтобы скрыть внутреннюю ущербность, недостаток жизненной силы. Когда он идет размеренным шагом, ни на минуту не забывая о своем достоинстве. На самом деле, он — человек крайне легкомысленный и любит посмеяться над другими. Стоит ему остаться одному, как он тут же забывает о достоинстве, степенных манерах и необходимости поддерживать свое “ре-номе”. Единственное, о чем он никогда не забывает — это его собственное “Я”. Ты хочешь дружить с ним? Не делай этого! Не делай этого никогда.

94. Предупреждение

Вот — человек, о котором тебе известно, что он груб и импульсивен, и который с тобой одним нежен, уравновешен и вежлив, а с лица его не сходит улыбка. Прежде, чем он сделает очередную попытку с тобой сблизиться, отгони его словами “у нас нет ничего общего”. Не жди момента, когда он попробует изобразить на своем лице радушие. При этом только две морщины будут неподдельными, в подобные минуты они всегда хорошо видны — морщина на лбу и морщина на щеке, всегда предваряющие его усилия. Нарисуй себе обе: в твоём алфавите физиогномики имя им — предупреждение.

95. То, что не подходит друг другу

Если у тебя удлинённый высокий лоб, никогда не старайся подружиться с обладателем шарообразной головы. Если у тебя голова похожа на шар, не соглашайся дружить с обладателем высокого, удлинённого лба с подчеркнутой костной основой. В особенности это касается супружеских взаимоотношений.

96. Избегать

Не имей дела с человеком, если на его лице есть черта, роковая для тебя. Не важно, что это черта — едва заметна. Она пробуждается, [*подобно тлеющему углю,*] при каждом его движении и никогда не исчезает полностью. Опаснее всего для тебя, когда эта черта находится на губах или в складках около рта. У этого человека может быть немало прочих достоинств, однако ваши отношения — обречены.

97. Избегать

Избегай того, кто постоянно косится, у кого рот свернут на сторону, у кого широкий подбородок, выступающий вперед. Постарайся уклониться от общения с ним особенно тогда, когда он, подавляя издевку, рассыпается перед тобой в любезностях, обрати внимание на то, что на его щеках образуются морщины, которые невозможно скрыть. Он никогда не поверит тебе, однако это не мешает его попыткам вначале лестью втереться тебе в доверие, а затем постараться тебя использовать.

98. Мужской характер

Морщины на лбу почти отсутствуют. Сам лоб — не слишком отвесный и не слишком покатый, его форма — не плоская и не шарообразная, а напоминающая чашу. Брови — густые, четко очерченные. Линия бровей проводит резкую границу между лбом и остальной частью лица. Глаза открыты более чем на половину, но не полностью. На переносице — глубокая ямка. На носу — небольшая горбинка. Спинка носа широкая, изгиб губ явно выражен. Губы не расслабленные и не сжатые, не слишком маленькие и не слишком большие, правильных пропорций. Подбородок не слишком выдается вперед, но и не слишком уходит назад. Таков портрет человека недюжинного ума, серьезного и способного здраво мыслить и доводить дело до конца.

99. Избегать

Вот тот, у кого большая или, наоборот, необычайно маленькая голова, которую он постоянно запрокидывает назад; кто, привлекая к себе внимание, выставляет напоказ свои коротенькие ножки. У этого человека — большие глаза, но он их делает еще больше, изо всех сил поворачивая их в сторону, как будто ему приходится на все смотреть через плечо. Он долго и молча выслушивает с надменным выражением лица, а затем сухо и резко отказывает в просьбе. Когда же ты делаешь попытку что-то возразить, он, подняв удивленно бровь, пресекает твою реплику язвительной улыбкой. На гербе его личности красуются такие замечательные качества, как: своеволие, гордость и черствость. К этому, весьма вероятно, следует добавить и лживость, коварство и скупость.

100. Избегать

Остерегайся поддерживать отношения с человеком такого вот вида: глаза — большие, губы — тонкие, лицо — полное, морщинистое, кожа — землистого цвета, вены — голубоватые, кости — выпирающие наружу. Он будет пытаться втереться тебе в доверие, не смущаясь самой низкопробной лестью — однако если ты проявишь неуступчивость, не пойдешь у него на поводу, станет для тебя Ахитофелем, Иудой и Сатаной вместе взятыми. Он будет возводить на тебя напраслину и клокотать от возмущения. При упоминании одного твоего имени его глаза и вены будут наливаться кровью. Донельзя опасны как лесть из уст на скуластом лице, так неговорчивость человека, чье лицо округло (мягко).

Конец

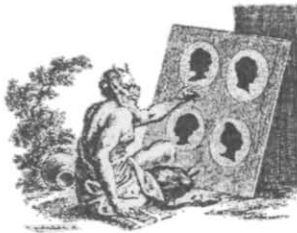
*Сокровища науки сокровенной
Используй, но во благо, не во вред
Своим братьям. Трепетно склонись
Пред истиной, преподанной природой.
Псам не давай святыню! Не мечи
Пред свиньями напрасно бисер ценный!
Кто сердцем чист, тому все чисто. Нет
На свете истины отдельно от свободы!*

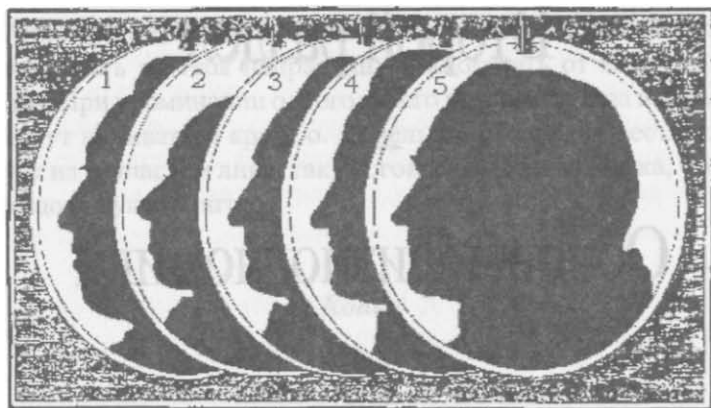
Второй раздел

ОСНОВЫ ФИЗИОГНОМИКИ

Пять силуэтов

Общество благородных господ, хотя и не совсем поэтов. Группа импонирует мне настолько, что не хотелось бы видеть их по отдельности. Каждый из них — личность.

Физиогномика — серьезная наука, в ней нет ничего надуманного. Однако ею слишком долго злоупотребляли, и это не могло не привести к полной ее дискредитации. Ничто не повредило физиогномике более мнимой претензии на знание всего характера человека в целом и даже его будущей судьбы. В этом, возможно, причина того, что на физиогномику пала тень шарлатанства: серьезная наука стала жертвой насмешек и попала в число наук-изгоев.

Однако такое положение не должно нас обескураживать. Надлежит исследовать вопрос о том, каковы истинные основы этой науки. При этом не следует искать ответов у авторитетов и в свидетельствах Соломона, Аристотеля, Пернетти, Парсонса или Геллерта. Наша задача — обратиться к разуму и опыту, которые и должны стать нашими арбитрами.

Разве разум не говорит нам, что у каждой существующей в мире вещи есть две стороны — внешняя и внутренняя, что эти стороны находятся в тесной связи между собой? что любая вещь в силу своей уникальности должна обладать неким внешним признаком, позволяющим отличить ее от любой другой вещи?

Разве разум не говорит нам, что, допуская наличие точной корреляции между телом и душой, между психикой человека и его внешностью [*буквально: внутренним и внешним — Н.С.*], мы с не меньшим основанием должны сделать тот же вывод относительно всех индивидуальных различий? Так что бесконечное разнообразие душ и психических складов людей неминуемо должно привести к не меньшим различиям в строении их тел и внешнего вида?

Предположим, что характеры людей не имеют между собой ничего общего. Рассудок сразу же говорит нам, что внешние проявления, непосредственно связанные с

характером человека, тоже должны быть различными. Допустим, некое различие имеет место. Тогда оно должно обладать внешними отличительными признаками, доступными нашему восприятию, а тем самым может и должно стать предметом подлинного научного исследования.

Допустим, что ничто в мире не происходит без достаточного основания, что любое, хотя бы и самое незначительное, природное явление есть механическое следствие универсальных законов, действие которых распространяется и на самого достопочтимого Создателя. Допустим, что, таким образом, все так называемое случайное изгнано из философии и природного царства раз и навсегда. Находится человек, разделяющий эти убеждения и одновременно сомневающийся в праве физиогномики считаться серьезной наукой, то есть сомневающийся в возможности судить об индивидуальных особенностях человеческого характера по отличительным признакам его внешности. Я спрашиваю, как такой человек может претендовать на звание философа или естествоиспытателя?

И действительно, есть что-то противоречащее простому здравому смыслу в утверждении, что, оказавшись в теле какого-нибудь непроходимого тупицы, обитателя сумасшедшего дома, Лейбниц или Ньютон смогли бы с успехом продолжить свои великие изыскания. Теодицея, вышедшая из-под черепной коробки лапландца, — может ли быть что-либо более несуразное? Посмотрите на мавра с его приплюснутым носом, на его вылезавшие из орбит глаза, взгляните на его вывернутые наружу губы, едва способные прикрыть его зубы; посмотрите на это буйство плоти и торжество овалов! И вы хотите сказать, что, будучи обладателем такой головы, Ньютон вычислил вес планет и разложил на составляющие солнечный луч?

Простой здравый смысл не согласится с утверждением, что одинаково выглядят: человек сильный и человек слабый, пышущий здоровьем — и страдающий чахоткой, холерик — и хладнокровный флегматик.

Простой здравый смысл отказывается согласиться с тем, что радость и печаль, наслаждение и боль, любовь и ненависть не имеют никаких внешних признаков.

А ведь именно это и вытекает из утверждения, что физиогномика — мнимая наука. Тот, кто утверждает подобное, извращает всеобщую гармонию и взаимосвязь вещей в природе — это самое драгоценное проявление Премудрости Божией.

Случайность — это мудрость слабых умов и бич подлинного естествознания, философии и религии. Изгнание случайности из этих трех областей — великая заслуга мудрости и истины. Вся несостоятельность случайности применительно к физиогномике может быть продемонстрирована на следующих примерах.

Допустим, что любая связь между психологическим складом человека и его внешностью — чистая случайность. Посмотрим теперь, насколько это согласуется с нормальной логикой. Разве рассудок не говорит нам априори, что больной и подслеповатый глаз должен выглядеть иначе, чем глаз здоровый и хорошо видящий? Что у физически совершенно здорового тела должны быть естественные непосредственные признаки?

Представим себе два тела: одно безупречно сложенное и хорошо развитое, а другое — ущербное и с нарушенными функциями. Разве они будут выглядеть одинаково? Однако, признав это, мы должны признать и нали-

чие определенных признаков, по которым мы можем судить об их различии. Разве одно это уже не доказывает возможности определения физиологического характера человека по его внешности?

Разве мы не убеждены априори в необходимости отличия состава и цвета крови меланхолика от состава и цвета крови сангвиника и флегматика? Известно, что цвет кожи во многом зависит от состава крови и жизненных соков организма. Разве, в таком случае, различия в составе крови и соков не приведут к соответственному изменению цвета кожного покрова?

Как только это различие оказывается доступным чувственному восприятию и наделяется специфическими признаками, оно становится предметом изучения науки. Таким образом, доказано, что определение характера темперамента по его внешнему виду не имеет в себе ничего псевдонаучного.

Разве не существует определенных, умопостигаемых и наглядных признаков медицинского характера, сиречь текущего состояния нашего тела с медицинской точки зрения? Разве не говорит нам разум, что, например, в силу самой природы чахотки, это заболевание приводит к такому-то изменению нашего лица, и что изливание желчи окрашивает кожу и глаза определенным образом?

Основаны ли эти признаки на случайном совпадении или коренятся в самой природе вещей и базируются на естественной и непосредственной связи внешнего и внутреннего? Таким образом, определение состояния здоровья человека по его внешности тоже не имеет ничего общего с лженаукой.

Даже если судить по общему впечатлению, свои признаки должны быть и у телосложения человека или его физического состояния с точки зрения наличия у него силы

и крепости вообще. Можно ни разу в жизни не видеть ни одного человека — простой здравый смысл скажет нам, что между нежным и неокрепшим телом юноши и сильным и мускулистым телом взрослого мужчины не может не быть заметной разницы. Разве одинаково выглядят массивные, толстые и крепкие кости, грубая, неподатливая кожа одного и нежные, мягкие кости и кожа другого? Таким образом, внешний вид человека не может не говорить нам о его физическом состоянии.

Переходим теперь к интеллекту, то есть к наличию у человека тех или иных мыслительных способностей.

Разнообразие интеллектуальных способностей — неисчерпаемо. Разве простой здравый смысл не говорит нам, что это различие должно привести к не меньшему различию во внешности? Предположим, что нервная система, жизненные флюиды и жидкости людей, а также устройство мозга и место, где он находится, — совершенно одинаковы. Разве простой здравый смысл не говорит нам, что и их память, и воображение, и интеллект не могут различаться до такой степени, как это нередко имеет место?

Разве простой здравый смысл не говорит нам, что более совершенное строение мозга, более утонченная и восприимчивая нервная организация неминуемо должны привести к усилению чувственных впечатлений? Следовательно, и память, и воображение, и живость ума должны заметно превосходить соответствующие способности обладателя конституции, противоположной вышеописанной?

Разве здравый смысл не говорит нам, что различия в строении мозга и его положения должны совершенно ес-

тественно и необходимо влиять на внешние очертания и строения черепа, поначалу пластичного и состоящего из волокон? Нервные соки или жизненные флюиды — это те самые транспортные средства, благодаря которым впечатления, воспринятые внешними органами чувств, переносятся с поверхности тела к сердцевине нервной системы. Разве различия в составе этих соков или флюидов не должны вносить определенные тончайшие нюансы во внешний облик?

Разве, апеллируя все к тому же здравому смыслу, не ясно, что о морально-нравственном облике человека можно судить по его внешности? Если человек ласков, скромен и миролюбив, способна ли его душа придать лицевым мускулам то выражение дикости и суровости, которые искажают лицо человека грубого, свирепого и беспощадного?

Пусть даже опыт и не служил нам подтверждением, разве простой здравый смысл не говорит нам априори, если не со всей определенностью, но все же достаточной степенью вероятности, что моральный облик человека на 90 процентов зависит от телесной конституции и уровня его интеллектуальных способностей? То, какая у человека конституция, мы можем сказать, судя по внешности. Разве те же самые признаки не должны нам служить указанием и на его моральный облик?

Обратимся теперь к благоприобретенному характеру, сиречь изменениям, возникающим в результате многократного повторения одних и тех же движений, оставляющих на человеческом лице устойчивые отпечатки. Разве подобные изменения не являются необходимыми и естественными следствиями тех ли иных душевных склонностей, настроений или состояний?

25 дам

Если среди представленных здесь лиц кто-то и выделяется, то это, возможно, 25 и, благодаря средней части лица, — 8. Домовитость и расторопность, ограниченная узким кругом домашнего очага, кухни и чердака, отличительная особенность дам под номерами 1, 2, 3, 4, 10, 13, 15, 25, в жилом помещении — 17, в прачечной — 21. Доброе, отзывчивое сердце, хозяйственность, бодрость и веселье характерны для — 7 и 9, 12, 14, 16. Более серьезный характер, рассудительность отличают — 19, 20. Черствость — 6, остроумие — 24, галантность и театральная поза — 18, 23.

Разве простой здравый смысл не говорит нам о том, что повторение определенных движений мускулов, чьи сокращения неразрывно связаны с определенными аффектами или душевными состояниями, неминуемо должны оставить следы в виде морщин или складок, которые, в свою очередь, будут настолько заметны, что смогут стать предметом научного изучения?

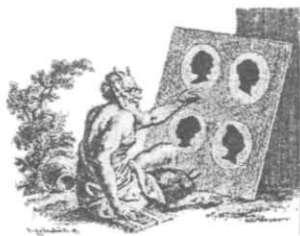

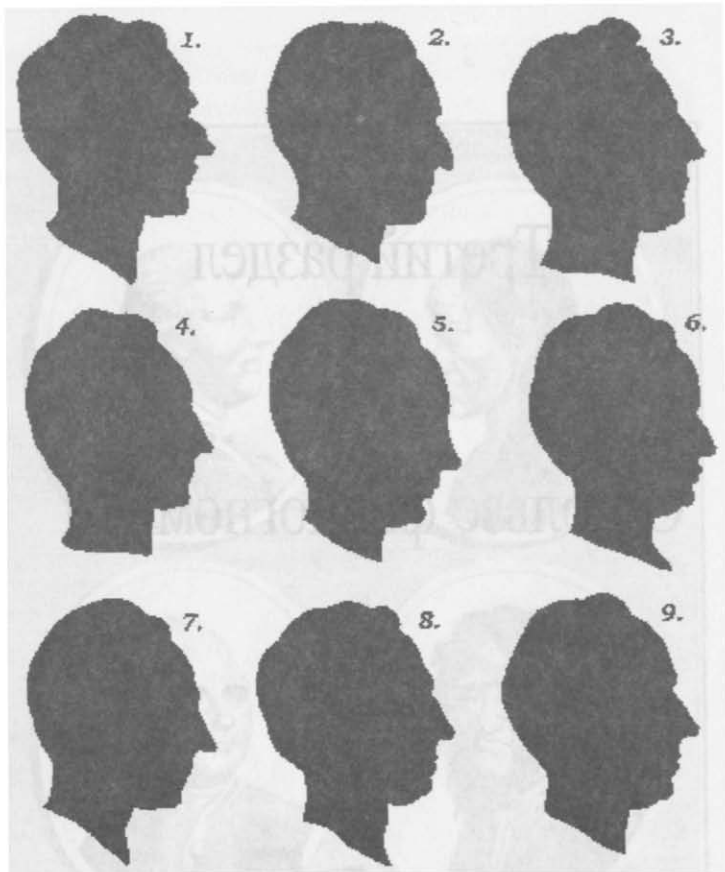

Третий раздел

О пользе физиогномики

Девять силуэтов, специально придуманных для того, чтобы они могли служить тестом степени наличия физиогномических способностей. Как много могут дать силуэты?

В каждом из силуэтов можно выделить 9 горизонтальных срезов, или пластов (1. от макушки до пробора, 2. от пробора до бровей, 3. от бровей до корня носа — «переносица», 4. нос, 5. расстояние от носа до рта, 6. губы, 7. верх подбородка, 8. низ подбородка, 9. шея).

Каждый из этих срезов — это настоящая буква, слог, иногда слово, а порой — целая речь, произнесенные на самом достоверном из языков — языке природы.

Надеюсь, нам удалось показать, что физиогномика — это отнюдь не досужее измышление умов.

Теперь самое время сказать пару слов о пользе, которую эта наука может принести людям.

Нас окружают люди. Мы встречаемся с ними на каждом шагу. Выражаясь словами Платона, человек есть “общественное животное”, он создан для общения с себе подобными. Знание человеческой психологии — это нерв и душа общения, ничто другое не придает общению столько живости, приятности и не позволяет извлечь из него столько пользы. Это, до известной степени, то, без чего вообще никто не в состоянии обходиться. Я говорю, в данном случае, о тех сторонах личности партнера, о которых он не говорит сам в дружеской беседе.

Мне достаточно произнести слова: государственный деятель, сотериолог, проповедник, врач, коммерсант, друг, спонсор, отец семейства, супруг... каждому, кто меня слышит, сразу же становятся понятны все преимущества овладения данной наукой, вся необходимость постижения характера человека по его внешности. По крайней мере, той стороны его личности, с которой мы имеем дело.

Люди пользуются физиогномикой неосознанно и делают это постоянно. Заставьте людей забыть о физиогномике всего лишь на один день, и, согласно моему глубокому убеждению, это приведет к приостановке бесчисленного количества действий и начинаний, составляющих славу человечества, к ужасающим издержкам и невероятному потрясению всех общественных устоев, покоящихся на некоей сумме допущений, принимаемых либо по традиции, либо чисто эмоционально.

Хорошая физиономия является в глазах знатока лучшей из возможных рекомендаций и — не побоюсь этого слова — одним из наиболее достоверных рекомендатель-

ных писем, начертанных на лице человека рукой самого Всевышнего. Надо ли говорить, что эта рекомендация сразу же и безоговорочно принимается нашим сердцем, наполняя его радостью и любовью.

Физиогномика — источник тончайших и возвышеннейших переживаний, новый глаз, позволяющий увидеть все бесконечное многообразие проявлений божественной мудрости и доброты и сподобиться созерцания новых животворных граней всеблагого и достопочтимого Создателя человеческой природы, вложившего в нее столь несказанно много истины и гармонии.

Там, где ничто не открывается неопытному и косному взгляду, опытный знаток лиц обнаруживает неисчерпаемый источник наслаждений, как духовных, так и нравственных. Лишь ему одному дано понимать самый прекрасный, красноречивый, безошибочный, спонтанный и значительный из всех языков. Лишь ему одному внятен естественный язык гения, подвизающегося в моральной и интеллектуальной областях, естественный язык мудрости и добродетели.

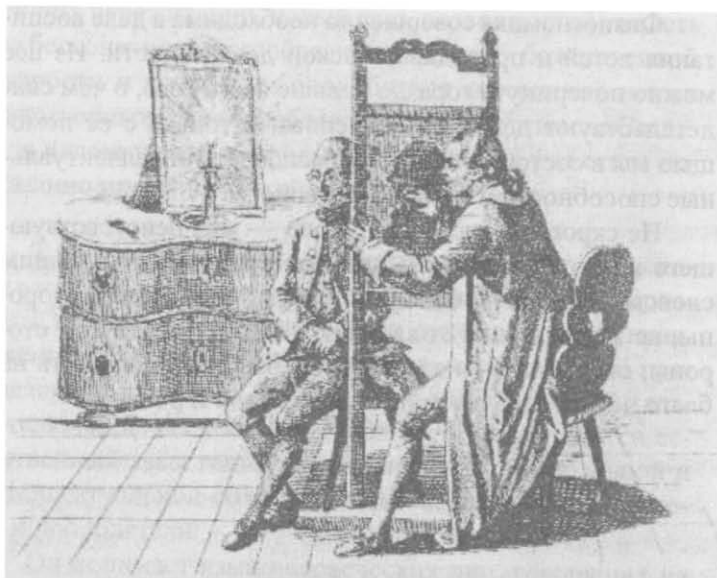
Он понимает язык человеческих лиц, говорящих на нем, не отдавая себе в этом отчета. Он узнает добродетель под тысячей покровов. Исполненный человеколюбия, физиогномист проникает в самые сокровенные глубины человеческой психики, получая при этом ни с чем не сравнимое наслаждение. Он удостаивается лицезрения возвышеннейших способностей, которым, возможно, предстоит развиваться только в вечности.

Он учится отличать устойчивое в характере человека от того, что обязано внешнему влиянию, заимствованное — от случайного. Он судит человека по качествам,

дарованным ему природой, а не по внешним регалиям. Физиогномика связует сердца, ведет к наиболее длительным и благородным дружеским отношениям, увеличивает удовольствие от общения, говорит сердцу, когда оно должно молчать, а когда говорить, предостерегать и ободрять, утешать или наказывать.

Физиогномика совершенно необходима в деле воспитания детей и преподавательской деятельности. Из нее можно почерпнуть гораздо больше всего того, о чем свидетельствуют действия или слова, и только с ее помощью мы в состоянии вовремя распознать интеллектуальные способности и глубинные свойства души.

Не скроем, в злом сердце она — меч неистовствующего и источник дьявольской подозрительности. Одним словом, подобно любой другой науке, она, с одной стороны, не застрахована от злоупотреблений, а с другой стороны, способна — и здесь ей нет равных — служить на благо человеческому роду, добродетели и религии.

Четвертый раздел

О том, как, возможно,
следует изучать эту науку

Переходим теперь к весьма сложному вопросу: как изучать физиогномику, эту истиннейшую и полезнейшую науку? Как научиться пониманию этого многозначного языка природы?

Невероятно трудно сформулировать правила, по которым можно учиться физиогномике. Всю необозримую палитру нюансов, видимую опытному глазу, — не выразить словами. В этом отношении данная наука сродни живописи и музыке. Живописцу и музыканту дано воспринимать и переживать прекрасное. У обоих нет ни малейшего сомнения в том, что их суждение совершенно объективно, и все же они не в состоянии открыть на них глаза другим или научить видеть то, что видят сами. Однако набор определенных общих правил все-таки существует. Эти правила хотя и не в состоянии заменить глаз, однако способны исправно служить очками, эти правила можно сформулировать и можно сообщить другим.

Попробуем теперь проиллюстрировать работу физиогномиста на конкретном примере. Однако не стоит забывать о том, что большая часть этого искусства остается прерогативой гения. Причем даже сами правила, которые здесь приводятся, отнюдь не истина в последней инстанции, а, скорее, лишь попытка применения общих правил искусства наблюдения к анализу строения лица и внешности человека.

Чтобы и здесь окончательно не запутаться, надо не забывать об упомянутом выше различии между физиогномикой эмпирической и физиогномикой философской. Следует лишь уточнить, что эмпирическая физиогномика бывает как бессознательной, так и сознательной, а философская, или теоретическая, физиогномика подразделяется на физическую и метафизическую.

Прежде чем перейти к самой демонстрации метода, я позволю себе сделать еще одно замечание. Логические правила искусства наблюдения и вообще дух истинной философии и физиогномику нельзя разделять. Иначе мы легко соскользнем в шарлатанство, столь же смешное и низкопробное, сколь вредное и безнравственное.

Это — весьма распространенная ошибка почти всех пишущих о физиогномике и, в особенности, древних авторов. Поэтому не стоит удивляться тому, что вся наука в целом была объявлена смехотворной и утопичной. Не приводя никаких обоснований, не показывая сам процесс наблюдения и при этом крайне неточно описывая результаты своих опытов, большинство авторов (и, прежде всего, один из новоявленных мэтров этой науки, господин Пойшель) довольствуются нагромождением признаков или даже примет, вводя в заблуждение публику самим их количеством. Так ярмарочный шарлатан удерживает внимание публики, демонстрируя один фокус за другим.

Для изложения всех признаков различных характеров (как то: физического, медицинского, морального и т.д.) потребовались бы фолианты. Поэтому единственное, что я в состоянии предложить, — это несколько примеров.

Бессознательное физиогномическое чутье есть результат опыта и зиждется на непостижимом общем впечатлении, производимом на нас внешностью человека. Поэтому научить ему нельзя. Однако я все же привожу правила. В этом случае они касаются либо отдельных черт, совокупность которых и создает характерное впечатление, либо сравнительного анализа всего внешнего облика двух людей, то есть, опять-таки тех или иных формальных признаков. Это говорит о том, что эти признаки мож-

но сформулировать. Поскольку физиогномические правила направлены именно на изучение и постижение этих признаков, то переход эмпирической физиогномики в сознательную сферу становится реальностью.

Приводимые ниже примеры ставят своей целью пояснить эти правила. С помощью этих примеров я дрожащей рукой дерзну начертать нечто вроде пути обучения данной науке. При этом, конечно же, надлежит начать с чего-то наиболее надежного и очевидного.

Нам надо научиться замечать границы, или крайние точки, всех вещей и постараться их запомнить.

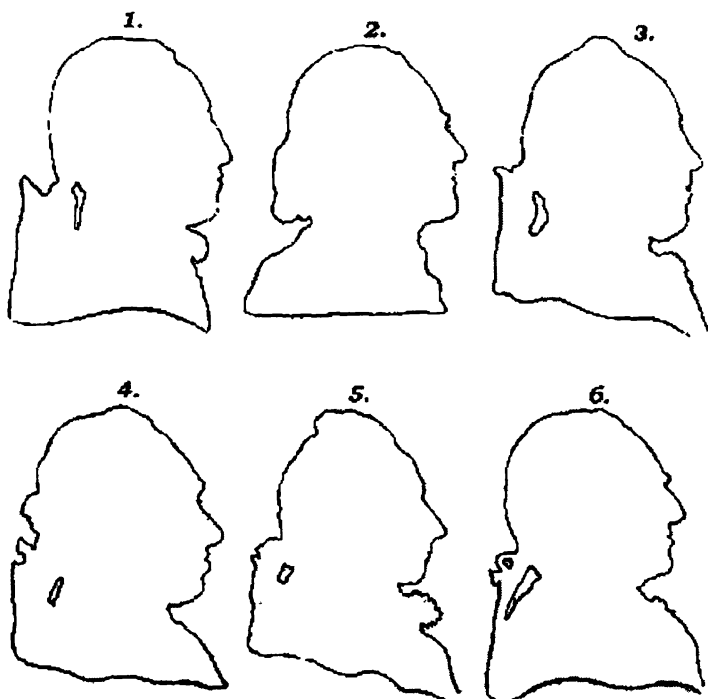
Нам надо научиться отличать твердое от мягкого, постоянное от случайного.

Нам надо наблюдать и еще раз наблюдать, сравнивать и снова сравнивать, остерегаясь делать преждевременные выводы.

Нижеследующий пример ставит целью доказать правила и сделать их наглядными.

Попробуем определить признаки глупости и проницательности.

Для того, чтобы найти первые, я отправляюсь в дом для умалишенных. Здесь я, действительно, оказываюсь в обществе людей, чье предназначение в этой жизни никак не связано с развитием интеллектуальных способностей. Наконец-то у меня может быть полная уверенность в том, что окружающие меня — идиоты, причем идиоты всех мастей. У каждого вида глупости — свой, одной ей присущий естественный язык, которым она и говорит со мною. В моей душе естественным образом возникают и остаются те или иные впечатления. Однако мне мало этого.

Шесть мужских силуэтов в качестве теста оценки физиогномических способностей.

Что ты можешь сказать о мальчике под № 5?

Я говорю себе: “Эти люди выглядят несчастными. Но каково внешнее отличие этих людей, в чем оно выражается? Глупость этих людей столь разительна, столь несомненна, но где находятся признаки, свидетельствующие об этой глупости? Где — то единственное, что отличает этих людей от других и, в особенности, от людей, наделенных мудростью?”

Я начинаю с рассмотрения всей фигуры в целом. Можно ли назвать ее пропорциональной? Или налицо явная диспропорция? В чем тогда эта диспропорция проявляется в наибольшей степени? В чем их отличие от остальных людей в целом? Однако это только начало. Я перехожу к детальному рассмотрению и анализирую их тела орган за органом, часть за частью.

Априори я считаю, что весьма многое может зависеть от устройства мозга, места, где он находится, и его объема. Я догадываюсь, что все это — устройство, место и объем — не могут не отразиться на внешней форме черепа. Ибо мне известно, что костное вещество, из которого состоит череп, не всегда было твердым и поначалу весьма походило на туго натянутый, состоящий из трубчатых волокон пергамент. Суть дела не меняется и после того, как человек вырос. Если посмотреть на его череп изнутри, можно без труда обнаружить ложбинки, оставленные там венами.

Чисто внешние повреждения и ущемления черепа тоже имеют место. Мне достаточно хорошо известно, насколько сильно способны они повлиять на умственные способности как пожилых, так и, в особенности, молодых людей. Это позволяет мне предположить, что первое, на что я должен обратить внимание, — это твердые части черепной коробки.

Я сразу же понимаю, что мне не стоит ограничиваться наблюдением исключительно в фас. При наблюдении в фас наиболее отличительные признаки хотя и можно заметить, однако не так легко удержать в памяти, а еще менее, представить их наглядно. Это заставляет меня обратиться к профилю. Тут я сразу же нахожу детали, которые легко зарисовать, а значит и легче сравнить друг с другом.

Я начинаю запоминать профили различные лбов, и в процессе этого запоминания мое внимание невольно переключается на лицо в целом, и тогда мне кажется, что впечатление от их глупости при этом возрастает. Я продолжаю в том же духе и даю профилям названия или, что еще лучше, рисую себе профили целиком, а, нарисовав их, начинаю сравнивать их друг с другом.

Я откладываю в сторону карандаш и пытаюсь найти линиям соответствующее определение в словах и терминах. Например, я говорю себе, что этот лоб слишком низкий и одновременно настолько плоский, что его почти закрывают волосы. Другой лоб, напротив — высокий и большой, однако ему явно не хватает рельефности и волосяного покрова, или же его портят многочисленные морщины. Образуемая его сводом форма — такая-то, его кожный покров характеризуется тем-то и тем-то. Как густо и беспорядочно растут одни брови, как высоко расположены над глазами другие, как мало волос — у третьих, как велико пространство, разделяющее четвертые!

Затем я перехожу к глазам. Я обращаю внимание на крайне незначительную величину глаз, на чрезмерную степень нависания верхнего века, на степень утолщения века нижнего, на близость вен к коже, их белизну и рельефность. Я сравниваю носы — как одутловат и массивен

один и как далеко выступает вперед и как широк другой. А третий — как он похож на раскрытый циркуль своей формой, с тупо обрывающимся нижним концом!

Как велико порой расстояние от носа до губ, как утолщена верхняя губа и как значительно она нависает над нижней, как обнажены зубы, как крива, либо свисает вниз и оттопырена нижняя губа! Какое выражение нескрываемого самодовольства сквозит в улыбке, блуждающей на этих губах! Как высок, прям, тяжел и массивен подбородок на этом лице!

Затем я перехожу к анализу шеи и затылка, а также волос, рук и ладоней. Менее всего меня занимают линии рук — а ведь это те самые линии, которые играют столь большую роль в утопической науке, называемой хиромантией, и считаются свидетельствами не только всего характера, но и потайным архивом всей человеческой судьбы. То же, на что я обращаю внимание, касается, прежде всего, контуров очертаний ладоней и степени их развития (грубы, парализованы), а также ступней и их положения относительно друг друга (параллельно или носками внутрь); наконец, я смотрю, какова походка.

В каждом или в ком-либо одном я начинаю искать места, кажущиеся мне наиболее существенными. Я перехожу от одного сегмента лица к другому, закрывая рукой сначала верхнюю часть лица, а затем — нижнюю, исключая все “ненужное” и говоря себе: этой черте до характерности далеко, той — еще меньше, другое дело — вот эта, или все в целом. Это для меня — самое главное, однако я продолжаю идти дальше и спрашиваю себя: в чем состоит сходство этих физиономий? сходство — в фас, сходство — в профиль, сходство — в походке, сходство — в целом.

Я начинаю говорить, спрашивать, вслушиваться. Я обращаю особенное внимание на голос, мускулы, щеки, губы, зубы и глаза, стараясь сохранить в памяти их внутренний образ, и с этой целью параллельно подыскиваю слова, которые, по возможности, точно подходили бы к этим характерным чертам.

Когда это у меня получается, я возвращаюсь домой и раскладываю свои зарисовки и наброски по порядку, а чтобы мне это было легче сделать, принимаюсь сравнивать одну часть с другой частью и одно описание с другим описанием. Так, в конечном итоге, мне удастся выделить и идентифицировать отдельные признаки.

О ТЕМПЕРАМЕНТАХ

Сангвиник почти идеален, и лишь только расстояние от рта к носу чуть-чуть коротковато.

Однако я не тороплюсь с выводами. Прежде, чем поделиться с кем-либо своими открытиями, и прежде, чем самому уверовать в непреложность найденных законов, нужно подвергнуть их испытанию, проверить в деле, причем неоднократно.

Я отправляюсь в свет и неожиданно встречаю там совершенно незнакомого мне человека. Едва взглянув на него, я не могу удержаться от предположения, что ум, скорее всего, — не главное его достоинство.

Почему? Я узнаю в его лице запомнившиеся мне характерные черты глупца. Это — жестоко, думаю я про себя, и, возможно, я несправедлив к этому человеку.

Он открывает рот — я краснею: подобной галиматьи мне еще не доводилось слышать. Он умолкает — мне не случалось видеть, чтобы чье-либо молчание выглядело столь нелепо. Речь идет о серьезных предметах, его лицо расплывается в самодовольной гримасе, он кивает в знак одобрения, делая это совершенно не к месту, и я невольно вспоминаю выражение самодовольства на лицах всех идиотов, которых мне довелось наблюдать до этого.

Хвалят — он неодобрительно трясет головой.

Наконец он произносит нечто совсем несуразное, и тогда я определяю, к какому рангу глупости его следует отнести: первому, второму или третьему.

Моя уверенность в своих силах возрастает. Но вот я вновь встречаю человека, который, как мне кажется, должен принадлежать к одному из установленных мной типов. Однако его речь разумна. И так же, как предыдущий вызывал у меня жалость, этот вызывает невольное восхищение. Мне становится стыдно.

А что, если от него не ускользнуло высокомерное выражение моего лица, и он догадался, как плохо я поду-

мал о нем вначале? Но еще больше мне стыдно перед самим собой! Как? Едва увидев его, я почитал себя знатоком — теперь я вижу, что ошибался. Как же так? Ведь данная черта действительно относится к найденным мною первому или второму классу!

Возможно, виной всему ограниченные природные данные и недостаточное образование, полученное в первые годы жизни? Однако прилежание и упорство в последующие годы сделали свое, и данному лицу удалось с лихвой наверстать упущенное? И все же в юном возрасте — мускулы еще мягкие, восприимчивые, образовавшиеся тогда складки оказались слишком прочными и не разгладились до сих пор.

У него — безобразно свисающая вниз мясистая губа. Однако вполне возможно, что она — результат травмы, полученной в результате несчастного случая. Наряду с этим у него немало черт положительного свойства; глаза, лоб, жесты говорят в его пользу, но еще более его тонкие глубокомысленные замечания, его продуманные и верные суждения.

Так я учусь крайней осмотрительности и заставляю себя воздерживаться от поспешных и неверных решений. Я понимаю теперь, что для того, чтобы сделать тот или иной окончательный вывод, одной черты недостаточно, необходимо сопоставление различных черт вместе.

Тем временем я не перестаю упражнять свой глаз в умении изучать человеческие лица на предмет их подобия и различия. Я вновь возвращаюсь к своему первому опыту, трудно было бы найти более подходящий. Природа отказала этому человеку в уме, это должно было бы меня ужаснуть, однако я радуюсь, так как во мне достаточно зла для этого, радуюсь тому, что, как мне мне кажется, я нашел ключ глупости.

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ

Перед вами несколько рисунков животных и человеческих физиономий, скопированных с физиогномических образцов Джованни дела Порта.

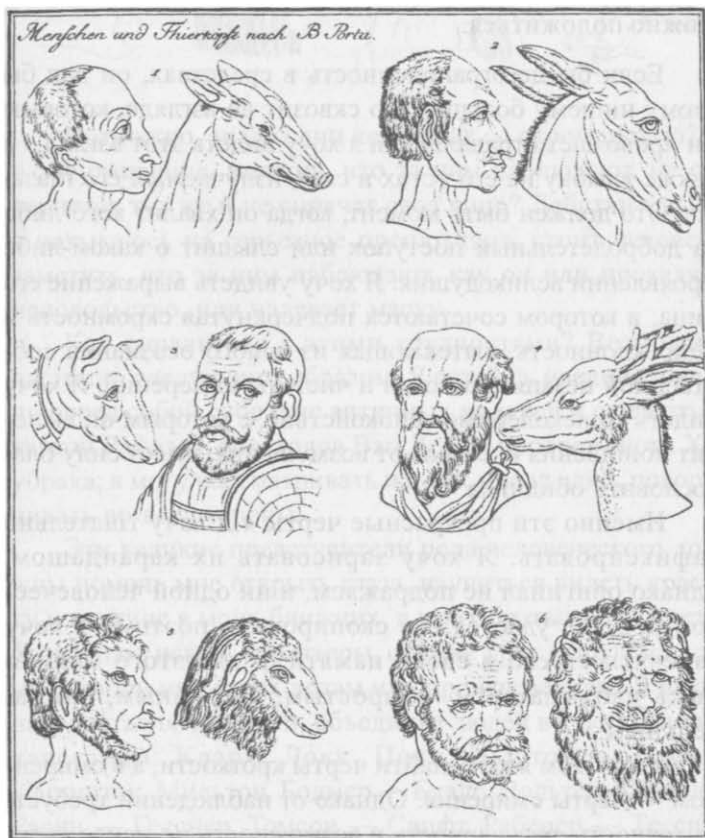
Я иду в свой кабинет, моя совесть меня упрекает: ты жертвуешь сердцем в угоду рассудку и человеколюбию ради науки. Мне становится стыдно, и я и слышать не хочу ничего о физиогномике. Однако мое колебание не длится долго, я не могу поверить, чтобы эта наука была не угодна Богу или греховна в своей основе.

Мудрость Создателя человеческих лиц проявляется в их бесконечном разнообразии, знаки этого разнообразия различными путями способствуют укреплению связей внутри человеческого сообщества. Я стремлюсь понять эти знаки и их классифицировать — разве может это быть не угодно Создателю?

Однако мне не следует начинать с того, где мне надо остановиться и где, возможно, мое сердце окажется в опасности. Мне не следует начинать с отыскания признаков зла и глупости.

Я хочу найти разум и добродетель, открыть своему сердцу доступ к источнику самых изысканных удовольствий, я хочу изучать физиономии людей разумных и добродетельных.

Я хочу увидеть, каковы будут форма, пропорции лица, отдельных мускулов, положение, жесты, огонь в глазах, движения губ, наблюдаемые в тот момент, когда крупный ученый решает трудную проблему или когда он взвешивает ложную догму на весах четких поня-

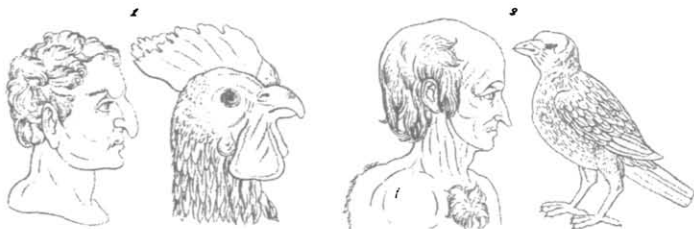

тий, когда благочестивый христианин говорит о Боге, вечности и о добродетели, или, что еще важнее, когда он действует. Вот когда я хочу слышать этого добродетельного и благочестивого человека, о котором мне известно, что на его сердце и его мудрое знание жизни можно положиться.

Если бы не ограниченность в средствах, он дал бы этому нищему больше. Это сквозит во взгляде, которым он провожает страдальца, и я хочу видеть этот взгляд,.. а также улыбку на его устах и свет, излучаемый его глазами. Это должен быть момент, когда он хвалит кого-либо за добродетельный поступок или слышит о каком-либо проявлении великодушия. Я хочу увидеть выражение его лица, в котором сочетаются подчеркнутая скромность и непреклонность, вытекающая из ясного осознания собственной незапятнанности и чистоты намерений. Я хочу видеть то неколебимое спокойствие, с которым он выносит поношения и, сгорая от возмущения, имеет силу благословить обидчика.

Именно эти прекрасные черты я и хочу тщательно зафиксировать. Я хочу зарисовать их карандашом, однако оригинал не подражаем, и ни одной человеческой руке не удастся его скопировать, поэтому я хочу запечатлеть его в своей памяти, а для этого становлюсь наблюдателем — простым, спокойным, внимательным.

В кротком я хочу найти черты кроткости, а в смиренном — черты смирения. Однако от наблюдений требуется точность, регулярность и возможность не менее часто подвергаться проверке. Как этого достичь, если мне и дальше придется делать свои наблюдения скрытно от окружающих, таясь и прячась?

Возможно, анализ лиц не в ладах со скромностью? И разве смирение, заметив, что за ним наблюдают, не отвернется тут же и не спрячет свое лицо? Действительно, я натыкаюсь на серьезное препятствие: стоит человеку заметить, что за ним наблюдают, как он или проявляет недовольство, или надевает маску.

Как справиться с этими трудностями? Возможно, частично следующим образом. Я остаюсь наедине и кладу перед собой собрание античных медалей и скульптур, картон Рафаэля, апостолов Ван Дейка, портрет кисти Хубрака; я могу рассматривать их, как мне угодно, поворачивать во все стороны.

Эти великие представители рода человеческого должны помочь мне открыть глаза, научиться видеть красоту и величие в моих ближних, в моих братьях во Христе. Я начинаю искать характеры, схожие друг с другом, судя по истории или по их делам или произведениям. Я начинаю составлять списки, объединяя людей в группы по их качествам: Кларк, Локк, Поуп, Ньютон — Гомер, Клопшток, Мильтон, Бодмер — Буало, Вольтер, Корнель, Расин — Гесснер, Томсон — Свифт, Рабенер — Тессин, Мозер — Ликург, Монтескье, Мирабо — Альбин, Халлер, Борхэйв, Морганьи — Сократ, Платон, Ксенофон — Цвингли, Кальвин, Буллингер.

Я перехожу к наблюдению, не забывая при этом, что, во-первых, даже самому удачному из рисунков все-таки еще далеко до живой действительности, оригинала, во-вторых, даже в том случае, если бы исполнение достигло высшего мыслимого совершенства, рисунок фиксирует лишь одно состояние и положение лица из многих возможных, а в третьих, всем этим рисункам не хватает самого сильного выражения на человеческом лице — выражения жизни, а также света, тепла и движения.

Осознание всех этих недостатков вынуждает к крайней осторожности. Я начинаю с разглядывания каждого портрета по отдельности, затем перехожу к сравнению членов одного ряда, затем сравниваю один ряд с другим, затем стараюсь забыть о своих характерах и объединяю похожие изображения в группы, наконец, переставляю портреты вновь и наиболее непохожие из них откладываю в сторону.

Теперь я перехожу к словесному описанию. Какой тип описания предпочесть? Я представляю себе, что описываю эти лица тому, у кого нет возможности их видеть, но кто все же хотел бы иметь о них четкое представление. Поступая таким образом, я сразу убиваю трех зайцев: я лучше наблюдаю то, что вижу, я анализирую общее впечатление и выделяю в нем отдельные составляющие, стараясь их запомнить.

При описании я поступаю следующим образом: вначале описываю портрет целиком, затем перехожу к отдельным частям, делая это последовательно, и, когда описание готово, еще раз сверяю свои записи с оригиналом — черту за чертой.

Когда эта часть работы закончена, я откладываю описание в сторону, вновь ставлю портрет перед собой и ста-

раюсь, насколько возможно, ясно представить себе интеллектуальный и моральный облик живого прототипа. Я отделяю интеллектуальный облик от морального и анализирую каждый сам по себе. При этом вначале я придерживаюсь принципа отрицания или исключения, а затем перехожу к поиску положительных качеств.

Подведем итоги: то, что происходит в душе, отражается на лице.

Попробую пояснить это на примере одного профиля и одного лица.

Я беру профиль Монтеские с медали работы Дасье.

Я начинаю с анализа головы в целом и говорю себе, что она — пропорциональна и общее впечатление очень подходит к образу мыслителя (это видно всякому, кто не совсем лишен наблюдательности, даже если он слышит имя Монтеские впервые), лоб — покатый, причем угол, образуемый им с перпендикулярной линией головы, составляет тридцать градусов (положение головы кажется естественным). Наверху, у края волос, он сильно уходит назад, нет ни морщин, ни излишнего мяса, кожа натянута, выявляя кости черепа, немного вдавлен у висков, брови кажутся не слишком густыми, однако ближе к носу имеют прямоугольную форму, в основании лба у переносицы — небольшая ямка, под бровями над верхним веком — заметное углубление.

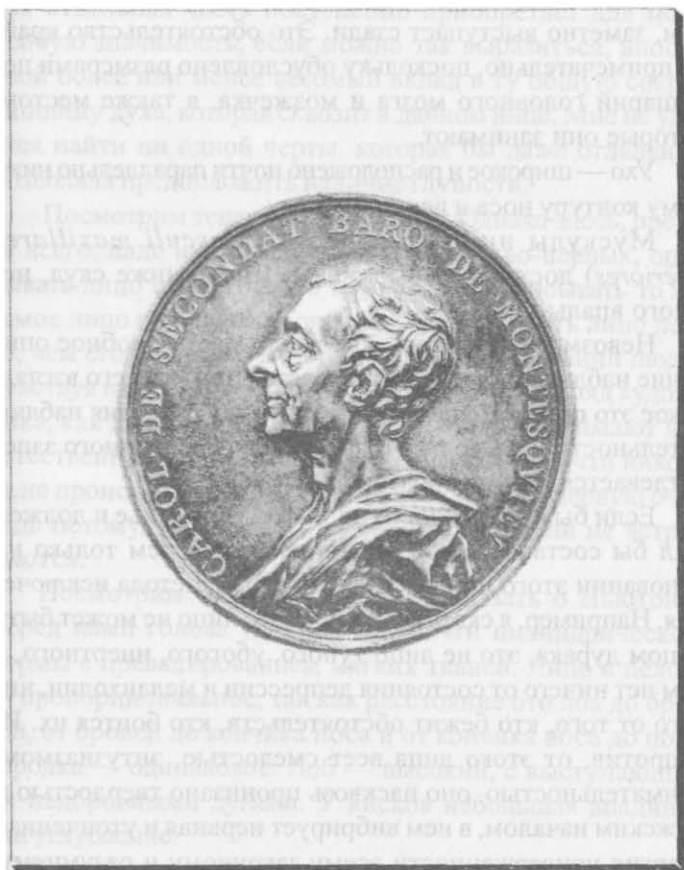
Глаза полуоткрыты, ширина верхнего века почти равна ширине глаза, за верхним веком несколько морщин, радужная оболочка видна в профиль и устойчива. Нижний глазной мускул образует три заметные морщинки, из которых наиболее внешняя и нижний край верхнего века вместе образуют почти полукруг.

Нос и лоб — одинаковой длины. Если исключить впадину на переносице, нос выглядит продолжением лба и находится с ним на одной линии. В середине спинки носа едва заметная плоская вогнутость. Кончик носа довольно округлый и выдается вперед. Ноздри — открытые, продолговатой формы. Нижние очертания крыльев носа — тонкие, не сглажены и в середине длины сгибаются вниз под тупым углом. Линия основания носа идет относительно горизонтально вплоть до закругления на кончике носа и, если смотреть на лицо в профиль, образует почти прямой угол с вертикальной линией, идущей от губ вверх. Рот и нос соединены складкой, которая около рта выглядит слишком резкой, а в остальном — маловыразительна. Расстояние от носа до рта — немного изогнуто, лишено мускулов, кажется, что губы довольно крепко сомкнуты, ни одна не выступает вперед, губы — невелики по высоте и не полны, их положение немного отступает от горизонтальной линии, концы губ чуть-чуть приподняты.

Нижняя губа короче верхней и ближе к подбородку немного вогнута. От подбородка ее отделяет плавная бородка, которая загибается вверх у уголков рта.

Сам подбородок выступает вперед не слишком сильно, он — не острый, а также не слишком массивный и описывает примерно треть окружности. Граница между верхней частью подбородка и его нижней частью четко просматривается, сама нижняя часть имеет почти плоские очертания, и если от точки, где, по-видимому, начинается шея, провести горизонтальную линию, то угол, образуемый ею с нижним краем подбородка, составит примерно двадцать градусов.

Шея — не длинная, не короткая, не толстая, не худая и лишь слегка выгнута спереди. Кадык едва заметен, но виден. Длинный боковой мускул (*Musculus colli lateralis*)

Шарль Луи де Монтескье (18.01.1689-10.02.1755)

соединяющий ухо и грудь, — широкий, однако достаточно плавный. Задняя часть шеи имеет вогнутую форму. Контур, образуемый всей черепной коробкой от лба до затылка, немного больше половины окружности и, таким образом, заметно выступает сзади. Это обстоятельство крайне примечательно, поскольку обусловлено размерами полушарий головного мозга и мозжечка, а также местом, которые они занимают.

Ухо — широкое и расположено почти параллельно нижнему контуру носа и верхнему веку.

Мышцы нижней челюсти (*Musculi maxillares inferiores*) достаточно выражены. Щеки, ниже скул, немного впалые.

Невозможно описать, как много дает подобное описание наблюдателю, как обостряется при этом его взгляд, какое это превосходное упражнение для развития наблюдательности и насколько сильнее образ увиденного запечатлевается, таким образом, в памяти.

Если бы я даже ничего не знал о Монтеスキе и должен был бы составить себе представление о нем только на основании этого портрета, я начал бы с метода исключения. Например, я сказал бы себе: “Это лицо не может быть лицом дурака, это не лицо тупого, убогого, инертного, в нем нет ничего от состояния депрессии и меланхолии, ничего от того, кто бежит обстоятельств, кто боится их. И, напротив, от этого лица веет смелостью, энтузиазмом, внимательностью, оно насквозь пронизано твердостью и мужским началом, в нем вибрирует нервная и утонченная энергия приверженности всему законному и разумному. Это бросается в глаза каждому”.

Причина подобного ощущения, по-видимому, в том, что где-то в глубине души у нас всплывают смутные воспоминания о людях, которые походили на него и которые,

как оказалось впоследствии, являлись обладателями именно таких качеств.

Однако я исследую одну часть лица за другой, и каждая отдельная часть постепенно приобретает для меня особую значимость, если можно так выразиться, вносит свой более или менее весомый вклад в ту общую сокровищницу духа, которая сквозит в данном лице. Мне не удастся найти ни одной черты, которая бы даже отдаленно позволяла предположить наличие глупости.

Посмотрим теперь на лицо в фас. Однако здесь, прежде всего, надо иметь в виду следующее: во-первых, описывать лицо в фас гораздо труднее, чем описывать то же самое лицо в профиль. Точно так же описывать лицо легче, чем его рисовать. Во-вторых, при позировании люди, чувствуя на себе пристальный и изучающий взгляд художника, как правило, смущаются, и их лица принимают неестественное и натянутое выражение. Этого почти никогда не происходит при рисовании в профиль, в первую очередь потому, что взгляды художника и модели не встречаются.

Посмотрим теперь, что можно сказать о Ньютоне. Перед нами голова удлинненной, почти цилиндрической формы с превалированием мягких тканей. Лицо в целом — пропорциональное, так как расстояние ото лба до бровей, от бровей до кончика носа и от кончика носа до подбородка — одинаковое. Лоб — высокий, с выступающими надбровными дугами. У висков небольшая впадина, или углубление.

Брови — густые и нависающие.

Глаза делят голову пополам и углублены в глазных впадинах, ширина верхнего века равна ширине видимой части глаза, оттеняемого несколькими складками, нижнее веко — заметно. Нос — большой, широковатый, не

заостренный, с выраженными хрящами и мясистый, ноздри сравнительно большие, крылья носа доходят только до середины его ширины, заметно сужаясь по направлению к кончику носа, где они ниже всего. Под носом — конусообразная ямочка, губы — полные, толстые и, если посмотреть на них сбоку, располагаются вровень с линией профиля, подобно некой зарубке. На нижней губе несколько складок, кажущихся беспорядочными, подбородок — широкий, немного выступает вперед, мускулист. Низ подбородка — неправильной формы, причем правая сторона ниже левой, вертикальные очертания челюсти — волнообразной, или змеевидной, формы вплоть до самого уха. Волосы, по-видимому, мягкие, тонкие, волнистые. Общее впечатление, производимое этим лицом на каждого, говорит о серьезности, вдумчивости и мудрости. Черты этого лица я тоже выучиваю наизусть.

Затем я начинаю сравнивать один портрет с другим и тут же нахожу совершенно явные различия, а значит, каждому роду гениальности свойственно выражаться одному ему присущим специфическим образом.

Я обращаю внимание, прежде всего, на сходство и спрашиваю себя: какая черта или какие черты из двадцати гениев, портреты которых я вижу, присущи им в наибольшей степени? Так, например, я нахожу определенное сходство в строении надбровных дуг, в форме глазной впадины или в наличии глубокой впадины над верхним веком. Все эти наблюдения крайне важны, однако именно поэтому я долго остерегаюсь полагаться на них в качестве абсолютно надежных и основополагающих признаков большого ума. Я вновь возвращаюсь к окружающим меня людям и начинаю примерять к ним найденную мерку. Однако у многих весьма неглупых людей этот признак отсут-

Newton.

N. 1.

2

ствует. Последнее обстоятельство заставляет меня признать, что данный признак ума — далеко не единственный.

Кроме того, я замечаю, что почти все, у кого этот признак наличествует, разумны.

Отсюда я делаю вывод, что не будучи единственным, данный признак, тем не менее, является одним из самых распространенных и относительно достоверных показателей разумности.

Затем я встречаю глупца, у которого тоже есть указанный признак, однако наряду с этим несомненные признаки глупости. Это позволяет мне сделать окончательный вывод: не являясь единственным признаком ума, данный признак все же продолжает оставаться относительно достоверным свидетельством последнего, при условии отсутствия черт, говорящих об обратном. Таким образом, я, наконец, создаю правило, пусть даже гипотетическое. Однако этому правилу предстоит пройти еще долгий путь проверки и уточнений в ходе моих дальнейших наблюдений.

О силуэтах

Для того, чтобы изготовить силуэт, надо предварительно сделать специальную рамку и прикрепить ее к спинке стула. Затем возьмите лист бумаги, в качестве которой подойдет калька, но еще лучше немного промаслить бумагу и дождаться, пока она высохнет. Голову и спину следует прислонить к спинке кресла, чтобы тень падала на промасленную бумагу, затем приложите бумагу к стеклу с обратной стороны и придавите ее прямоугольной рамкой. Теперь с помощью маленького движка бумагу можно будет прижать, а когда понадобится — вновь освободить.

С целью дальнейших упражнений, я посещаю галерею и останавливаюсь перед портретами мужей, имена и

Исаак Ньютон

характеры которых мне не известны. Я их рассматриваю, измеряю, затем ухожу и возвращаюсь вновь, а затем прибегаю к логическому приему, который способен принести пользу в столь многих случаях и который так редко используется, — это метод исключения.

Я говорю себе: в этом лице нет ничего от глупости, косности, болезненности, ничего такого, что бы свидетельствовало о злобе, зависти, подозрительности, ничего, говорящего об изворотливости, двуличии и лживости, ничего, но у меня уже нет слов для многочисленных негативных качеств, оставшихся неназванными. Так я понимаю, что имеющегося в моем распоряжении словарного запаса явно недостаточно и мне совершенно необходимо расширить свою лексику, обогатив ее новыми словами, способными обозначить те или иные нюансы, и новыми обозначениями, более меткими и характерными.

Я вновь пробегаю взглядом все свое собрание портретов и составляю себе вчерне номенклатуру всевозможных выражений лиц, аффектов и пристрастий. Под рубрикой “Дух” я последовательно помещаю слова:

глубокий и острый ум, гений, изобретательность, наблюдательность, утонченность, веселость, энтузиазм, бодрость, быстрота, мудрость, ум, рассудительность, посредственность, разбросанность, медлительность, слабость, болезненность, глупость, идиотизм, слабоумие, бешенство.

Под рубрикой “сердце” я пишу слова:

универсальная доброта, великодушие, человеколюбие, любезность, общительность, добродушие, нежность, смирение, скромность, безропотность, благочестие, энтузиазм,

любовь к Богу, самопожертвование, спокойствие, терпение,
миролюбие, искренность, преданность, открытость, естественность, непринужденность, флегма, бесстрашие,
твердость, стойкость, порывистость, решимость, героизм, непреклонность, неустойчивость, упрямство, жестоковыйность, неотесанность, дикость, злоба, мнительность, зависть, гордость, высокомерие, тщеславие, инфантилизм, равнодушие, легкомыслие, эгоцентризм, черствость, беспощадность, жестокость, изуверство, лживость, притворство, уныние, мизантропия, мстительность, злопамятность, скупость,
клептомания, бандитизм, кровожадность, некрофилия, злорадство, мерзопакость.

Я перечитываю словари, трактаты о морали, сочинения психологов и философов единственно с целью увеличения своего регистра характеров и снабжения его многочисленными нюансами. С багажом новых знаний я опять возвращаюсь к своим портретам, прототипы которых мне неизвестны, анализирую их, откладывая все лишнее в сторону и нахожу характер, подходящий для того или иного портрета. Затем я навожу справки в исторических трудах и, по возможности, в трудах или произведениях самих указанных лиц. Так я получаю максимально полное представление об их интеллектуальном и моральном облике.

Во всеоружии полученной информации я вновь возвращаюсь к своим портретам, сравниваю их друг с другом, а затем вновь методом исключения нахожу в лице наиболее выразительное место, где каждое качество проявилось в наибольшей степени, и, наконец, я сравниваю

эти портреты с аналогичными, а потом все портреты в целом с реальными прототипами.

У меня есть еще одно средство. Я часто делаю зарисовки с натуры. Это дает мне прекрасную возможность наблюдения и измерения лиц живых людей и всего их внешнего облика в целом. Иногда я рисую лица в профиль и фас наугад, как придется, а затем сверяю их со своим регистром и нахожу нужные мне характерные черты.

Чтобы не стоять на месте, я постоянно упражняюсь в рисовании лиц и человеческих фигур соответственно задачам, которые сам себе ставлю. Например, я задаюсь целью нарисовать в одном ряду хитреца, прямодушного, достойного, умного и глупого, так я, наконец, создаю шкалу, которая вносит ясность в разрозненные наблюдения и укореняется в моей памяти. В процессе классификации я, в первую очередь, стремлюсь отделить друг от друга твердые постоянные ткани, не поддающиеся имитации, от мягких тканей, форму лица в спокойном состоянии и изменения, вызванные движениями мускулов, морщины, возникшие в результате сиюминутного аффекта, и устойчивые складки, которые не разглаживаются.

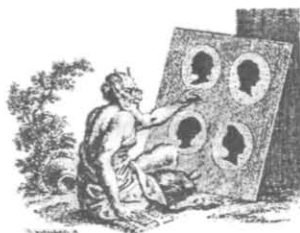
Я сравниваю свои наблюдения с наблюдениями других людей, показываю им свои портреты и рисунки. Люди высказывают свое мнение. Выражения, которые они при этом употребляют, зачастую мне не были известны и порой более удачны, многое из того, что они замечают, ускользнуло от моего внимания. Я учу их и еще более учусь от них. Так, наконец, мне удастся приобрести относительно обширные познания, степень надежности которых все возрастает. Эти знания постоянно обогащаются и углубляются в ходе общения с людьми, наблюдения, сравнения и сопоставления людской внешности в целом и их действий, слов и страстей.

Пятый раздел

Свойства и характер, требуемые от физиогномиста

Я принимаю за аксиому, что первоначально следует выяснить, каков идеал той или иной науки, делая это без оглядки на существующее положение вещей. Политика рисует нам идеальный портрет государственного мужа, теология — идеал или высочайший прообраз теолога милостью Божьей, медицина — врача. Вопрос о том, существуют ли люди, отвечающие этим требованиям, в действительности, и насколько это вообще возможно при существующих обстоятельствах, — остается без внимания. Наилучший — тот, кто максимально близок к идеалу.

Таким образом, я рисую идеал физиогномиста, рисую его таким, каким он должен быть. Может статься, что кто-либо захочет изучать не всю физиогномику, а лишь один ее специальный раздел, например, медицинский. Тогда предъявляемые к нему требования будут меньшими, часть их просто отпадет. От идеального физиогномиста, способного к постижению внутреннего мира человека по его внешнему облику, требуется, на мой взгляд, обладание следующими качествами и характером:

Прежде всего, ему необходимо иметь безупречное телосложение и чуткие органы внешнего восприятия. Причина этого — в необходимости быстро схватывать впечатления, полученные извне, а затем сохранять их в памяти или, что будет вернее, в своем воображении, чтобы потом навсегда запечатлеть последние в волокнах головного мозга. Наибольшее требование предъявляется к его зрению, от которого требуются тонкость, ясность, зоркость, быстрота и концентрация.

Тонкость восприятия должна способствовать развитию его наблюдательности, которая, в свою очередь, должна оказывать стимулирующее воздействие на внешние органы чувств и упражнять их в наблюдательности. На-

блюдательность должна держать органы внешних чувств под постоянным контролем.

Наблюдательность есть душа физиогномики. Таким образом, от физиогномиста требуется зрение — тончайшее, взгляд — мгновенно все подмечающий, безошибочный и всеохватывающий. Наблюдать — значит подмечать. Подмечать — значит уметь выхватывать из массы отдельные детали и рассматривать их отдельно от всех остальных, анализируя их отличительные черты и особенности, следовательно, различать. Наблюдение, выявление и различение — это дело разума.

Поэтому физиогномисту необходимо обладать умом острым, возвышенным и исключительным. Это требуется как для того, чтобы его наблюдения были правильными, так и для того, чтобы уметь делать правильные выводы из увиденного; он должен видеть все, как оно есть, в истинном свете, ничего не добавляя от себя и не искажая, а делаемые им выводы должны строго вытекать из заданных обстоятельств.

От физиогномиста требуется исключительно богатое воображение и способность мгновенно улавливать и замечать сходство между самыми различными предметами. Наличие богатого воображения позволяет ему без труда запоминать и восстанавливать в памяти все черты, не смешивая их, а способность видеть сходство — для того, чтобы находить подобное и выявлять между ними точки соприкосновения. Например, он видит такой-то нос, имеющий в себе что-либо характерное. Воображение позволяет ему точно и по желанию воспроизвести его в уме.

От него потребуется умение при виде характерной черты сразу же замечать все, что имеет к ней отношение. Для разработки и изобретения физиогномического

языка ему не обойтись и без способности находить и обнаруживать аналогии. Физиогномисту необходимо владеть языком в совершенстве. Мало того, он должен быть в состоянии развивать язык дальше, обогащая его новыми выражениями, более точными и жизнеспособными. Он должен черпать отовсюду: все царства природы должны служить ему кладовой для создания образов, и все лексиконы мира должны ссужать ему свои сокровища для новых выражений.

Ему необходимо быть искусным рисовальщиком и живописцем. Только так он сможет запечатлеть и изобразить многочисленные нюансы, которые слово просто не в состоянии выразить. Он должен уметь рисовать быстро, правильно схватывать пропорции и улавливать характер. Однако ему не достичь вершин мастерства без овладения живописью. И если в рисунке его рука должна быть твердой, то в живописи он должен видеть цвет не хуже любого прославленного колориста.

От него требуется знание анатомии человеческого тела, по крайней мере, тех его разделов, которые касаются строения лица; хорошо знать пропорции человеческого тела и хранить в душе идеальный образ совершенного тела. Это важно не только для того, чтобы сразу же замечать все неправильности в строении как костей, так и мускулатуры, но и для того, чтобы быть в состоянии легко их называть. Все это, к тому же, не может не послужить на пользу его физиогномическому лексикону. То же самое касается и физиологии или учения о полноценном развитии здорового человеческого тела. Физиогномист тоже должен знать это учение в совершенстве.

От него требуется доскональное знание темпераментов. При этом одного знания воздействия, оказываемого

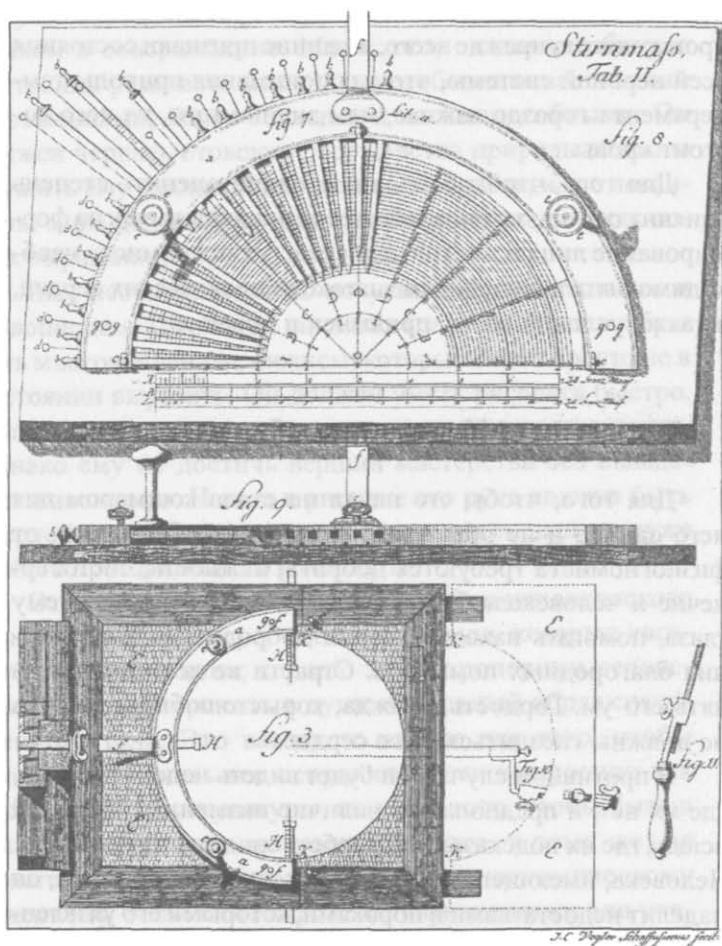
различным составом крови на цвет кожи, ее состояния, — недостаточно. Нужно знать состав крови в различных пропорциях и, прежде всего, внешние признаки состояния всей нервной системы, что для понимания природы темперамента гораздо важнее, чем знание того, из чего состоит кровь.

Для того, чтобы быть в состоянии оценить степень влияния сердца, законов, образа жизни и привычек на формирование лица и жестов человека, физиогномисту необходимо быть искушенным знатоком человеческих сердец, а также условий света, привычек и обычаев.

Измерение лба

Для того, чтобы его наука не стала кошмаром для него самого и не обратилась во вред его ближнему, от физиогномиста требуются доброта, нежность, чистосердечие и человеколюбие. Любовь должна открывать ему глаза, помогать находить черты добродетели и выражения благородных помыслов. Страсти не должны ослеплять его ум. Гордость, вражда, корыстолюбие и зависть не должны гнездиться в его сердце.

В противном случае, он будет видеть недостатки там, где их нет, и предполагать наличие низменных страстей всюду, где их подсказала ему собственная испорченность. Человека, имеющего несчастье походить на его врага, он наделит недостатками и пороками, которыми его уязвленное самолюбие наградило последнего. Не желая замечать положительных черт, он подчеркнет одни отрицательные. В искривленном зеркале его сознания все, так или иначе, примет вид карикатуры и гротеска. Как это далеко от характера тех апостолов и первых христиан, которые были

Чем точнее измерены очертания человеческой головы, тем научней и достоверней будут знания, даваемые физиогномикой.

выдающимися психологами и обладали даром чтения мыслей!

Таким образом, физиогномисту недостаточно иметь хорошую фигуру, обладать даром наблюдательности, живостью воображения и другими необходимыми качествами. Ему надо иметь нежное, веселое, невинное сердце, свободное от любых проявлений человеконенавистничества. Поистине, если человек сам не наделен великодушием, благородством и возвышенным образом мыслей, он никогда не поймет взгляд, продиктованный великодушием, и никогда не оценит черт, свидетельствующих о возвышенных качествах души.

Приложение

ИУДА КИСТИ ГОЛЬБЕЙНА*

Tab. III.

Judas Malkein

* Из «Физиогномических фрагментов», т. 1, Фрагмент IX.

Настоящее изображение является точной прорисовкой с лица Иуды на картине Гольбейна “Тайная вечеря”. Картина хранится в собрании Базельской библиотеки, включающей, помимо названного творения, еще несколько бесценных шедевров этого великого человека. Благодаря бесчисленным рисункам знаменитых художников, собрание Базельской библиотеки поднимается до уровня внушительной коллекции.

Мастерство Гольбейна как живописца и замечательного рисовальщика хорошо известно. Однако я и не догадывался, что он способен достичь такого уровня мастерства в рисунках по воображению. Порой и его колорит, и манера рисовать весьма близки манере Рафаэля, и все же у меня нет ни малейшего желания сравнивать обоих художников друг с другом, ни, еще менее, находить у них черты сходства. В техническом отношении, изображение головы Христа у Гольбейна более реалистично, а с точки зрения выразительности — это своего рода яркие типажи, весьма далекие от идеальных прообразов. И напротив, мне еще не доводилось видеть ни одной вещи Рафаэля, которая не свидетельствовала бы об обратном. На мой взгляд, ни одна картина Гольбейна не достигает многообразной и неисчерпаемой силы выразительности итальянца. Картина Гольбейна “Мертвый Христос” — шедевр рисунка и верности природе, однако она лишена и тени возвышенности чувств, которая так характерна для Рафаэля. То же самое можно сказать и о Христе, изображенном на той же Тайной вечере. При всей простоте и достоинстве, сквозящих в лице Христа на картине Гольбейна, это лицо значительно уступает любому из идеальных образов неподражаемого гения Италии. И все же диву даешься, сколь многого удалось достичь этому швейцарскому гению. А

ведь не будь он предоставлен себе самому, он, вероятно, достиг бы большего. У Гольбейна было достаточно сил для того, чтобы сравняться с тем, другим мастером, и ему не хватало лишь одного — возможности окончательно отточить свое мастерство благодаря созерцанию возвышенных образцов. Для любого из его творений характерно глубокое знание физиогномики. Кажется, что они проникнуты самим ее духом. Кроме верной расстановки акцентов и удачного сочетания отдельных черт, всем его лицам присуща особая одухотворенность, нежность, живость, энергия и обаяние. Всем его портретам Эразма, его Пеликану, Говарду, Мору присуща недостижимая и неопишуемая духовная атмосфера, которой так недостает многим из блестящих портретов знаменитых мастеров. Судя по всем автопортретам Гольбейна, его лицо свидетельствует скорее о силе и целеустремленности, чем о возвышенности характера, поэтому он вряд ли когда-нибудь сумел бы достичь возвышенности образов Рафаэля, даже пройдя его школу. Однако сильной стороной Гольбейна является правдивое отображение действительности, а все лица и позы на его портретах глубоко реалистичны. Примером обоих указанных качеств и служит приведенный здесь образ Иуды. Удивительный реализм соседствует в нем с недостатком возвышенности. Апостол, даже и подверженный пороку скупости, — все равно остается апостолом, а перед нами — всего лишь лицо скряги. Это — физиономия подлеца, а не Великой Души, борющейся в тисках страсти. Сатана — пал, но и после своего падения сохраняет былое величие. То же самое можно сказать и о душе Иуды.

Такие сравнения кажутся парадоксальными, однако не стоит преждевременно отметить их в сторону. Они отнюдь не беспочвенны. Даже в своей подлости Иуда со-

храняет свое величие, и даже его злодеяния все еще несут отпечаток апостольского достоинства.

Если бы Иуда выглядел так, как изобразил его Гольбейн, Христос никогда бы не сделал его апостолом. Человек с подобным лицом не смог бы выдержать и недели в окружении Христа. Трудно представить себе подлость в более гнусном обличье. Прячущееся под личной лести выражение внутренней фальши, неискренности и хитрости передано превосходно, однако этого еще недостаточно для адекватного отражения позитивных качеств и великих данных человека, вошедшего в число апостолов.

В трактовке Гольбейна Иуда — просто вор, в глубине души крайне раздосадованный упущенной возможностью поживиться, — ему ничего не достанется из ста серебряников, которые можно было бы выручить за мир, потраченное впустую (по его мнению) на Господа (Мар. 14: 3-8). Такой человек, как он, способен за дешево продать лучшего из людей кому угодно, даже злейшим врагам. Он в нетерпении ждет каждого следующего шага непорочного Агнца, беспокойно выслеживает намерения своего Учителя. С неопишуемой невозмутимостью в голосе спрашивает: “Я, Господи?” Остается безучастным, или, по крайней мере, кажется таковым, внимая самому грозному из предостережений, прозвучавшему из уст человека. Одержимый Сатаной, он переходит на сторону гонителей своего Учителя — прикасается к его губам предательским поцелуем — совершить все эти подлости способен лишь человек, нисколько не затронутый проникающими до глубины души речами Богочеловека, которые Тот говорит на прощание. Только человек с таким взглядом, таким выражением губ, с таким бугристым лбом

и может смотреть в лицо Господа с таким чудовищным равнодушием. Обратите особое внимание на этот лоб — змеиное гнездо подлости и злодейства. Обладателю такого лица никогда не удастся подняться вновь столь же быстро и столь же высоко, как это сделал в реальности Иуда, преодолев оставшейся у него нравственной силой неукротимый поток сомнения, разъедающего его душу. Иуда поступал, как Сатана, однако Сатана, у которого были все данные стать апостолом.

Вглядываясь в лицо на картине Гольбейна, почти не замечаешь и тени величия души Иуды, к которому я все еще продолжаю относиться с благоговейным трепетом. Нет ни следа сатанинской эластичности, с ее способностью в мгновение ока совершать головокружительные подъемы и спуски от врат ада к заоблачным сферам. Перед нами образ озлобленной обстоятельствами приземленной души, скатывающейся все ниже и ниже в пропасть безудержного отрицания. Мы видим, прежде всего, скрягу, цинично презирающего любой бескорыстный поступок как проявление слабости. Но вот злодеяние свершилось. Разве такому Иуде придет в голову, всего через несколько часов после содеянного, задуматься над мотивами, толкнувшими его на такой шаг, и попытаться заглянуть в глубины собственной души? Будет ли он, мучимый угрызениями совести, озабоченно спрашивать: “Что с моим Учителем? Каково сейчас Агнцу, которого я предал?” Он не содрогнется при мысли: “На этот раз, в отличие от многих предыдущих — ему не удастся уйти от врагов! Весьма возможно, что — горе мне! — его ждет гибель!” Он не поспешит дать решающее свидетельство в пользу все еще живого Агнца (Мат. 27: 3-5) наперекор голосам многих тысяч, он не пожертвует всем своим имуществом и,

возможно, самой большой суммой, которая когда-либо было у него единовременно, ради очистки своей совести! Он не станет возвращать деньги тем, кто никогда бы не потребовал их обратно, и получение которых вызвало немалое замешательство. Нет. Если бы он и повесился, то из-за скупости, а не из-за невозможности перенести мысль о содеянном, то есть: из-за сокрушения от сознания того, что продешевил, а не того, что отдал на растерзание невинного (!), когда ему стало ясно, что Мессию, с которым связывали столько надежд, приговорили к смертной казни. Горе сердцу, не содрогающемуся от сознания ужасающей подлости поступка Иуды, однако горе и сердцу, не способному почувствовать апостольского достоинства, которое все еще у Иуды остается! *Гольбейн* показывает нам только предателя. *Рафаэль* не остановился бы на этом и показал бы апостола.

Еще несколько слов, дорогой читатель, относительно единодушного осуждения, с которым воспринимается данное лицо. Разве это не еще одно доказательство истинности физиогномики? Не еще одно доказательство наличия гармонии между нравственным обликом (моральной чистотой) и телесной красотой?

Что сказал бы ты, если бы под данным портретом стояло имя — я не хочу сказать — *Христа*, но одного из апостолов — *Петра*, *Павла*, *Иоанна*? Какой показалась бы тебе душа художника, чье воображение рисует ему в качестве идеала подобное лицо апостола? Разве не показалось бы тебе абсурдным, если бы я прокомментировал данное лицо следующим образом: “Взгляни! Что за открытое, благородное, великодушное сердце! Разве подобный лоб не является красноречивым свидетельством чистой и щедрой души, ищущей свое счастье в счастье дру-

гих? Какие открытые дружелюбные глаза! Как смело и высоко поставлены бровные дуги! Разве подобный нос не говорит об идеальных устремлениях? Кто не увидит в линии губ той несравненной доброты, которая является отличительной особенностью самых близких учеников Христа, постигавших слово Божье из Его уст? Осанка, борода, волосы — все проникнуто благородством, все полно обаяния — все недвусмысленно свидетельствует о величии и достоинстве, свойственных данному человеку”.

Как бы ты расценил подобный панегирик? Больше мне нечего сказать. Если у тебя есть глаза, ты увидишь. Если ты слеп и еще раз слеп, мой намек не вернет тебе зрения.

Наконец, еще один вопрос, каким бы ужасным он ни был: Не кажется ли тебе, что для человека, рожденного с таким лбом и таким строением лица, было бы лучше не рождаться вовсе? Его ли вина в том, что он таким уродился? Нет, мой друг! Если бы он появился таким на свет, его не в чем было бы винить. Однако беда в том, что он не был таким при рождении. Морщины, избородившие его лоб, холодный взгляд расчетливого дельца, думающего лишь о выгоде, обязаны природе не больше, чем скупость врожденным наклонностям. Скупость и его соответствующие внешние атрибуты — благоприобретенные свойства. “Однако этот лоб? Очертания головы?” — Все это тоже не выходит готовым из мастерской природы — природные данные, к которым восходит данная форма лба, нуждались в развитии. В силу целого ряда внешних причин они с тем же успехом могли послужить основой для развития формы лба, свойственного благородному или героическому характеру. И все же, допустим, что Иуда и на самом деле выглядел таким, каким его изобразил Гольбейн. Представим себе, что лицо Иуды в своих основных

чертах выглядело столь ужасно уже с самого его рождения, — даже в этом случае, согласно воле Утешителя и Обновителя всего, остается возможность претворения сосуда Его гнева в сосуд Его благоволения. Ибо беспредельна и бездонна глубина Премудрости Божией! — непредсказуемы пути ее! — непостижимы суды ее! — ибо в своем милосердии Он обещал всем заблудшим душам — Свое прощение.

7 и 8 февраля 1774 г.

“Что пользы Фемнису петь перед глухими?” — цитата из Овидия.

Лафатер — лучший, величайший, мудрейший и утонченнейший из всех людей, мне известных — как смертных, так и бессмертных.

И.В.Гете¹

Лафатер — самый значительный человек своего века.

Морикофер²

Мудрец с походкой журавля³

Никита Скородум

Несмотря на катастрофическое невезение, выпавшее в новейшее время на долю физиогномики наряду с другими пневматологическими дисциплинами древности, подвергнутыми остракизму и торжественно изгнанными из храма науки вслед за языческими богами, физиогномике неожиданно крупно и фантастически повезло: ею серьез-

¹ Der beste, groesste, weiseste, innigste aller sterblichen und unsterblichen Menschen, die ich kenne. (An Frau von Stein, November, 1779). *Sturm und Drang Erlaeutungen zur deutschen Literatur*. Berlin, 1978, S. 67.

² *Real-Encyklopaedie fuer protestantische Theologie und Kirche*. Leipzig, 1881. Bd. VIII, S. 505.

³ Эккерман. Разговоры с Гете. 17.02.1829. S. 273. Sein Gang war wie der eines Kranichs, weswegen er auf dem Blocksberg als Kranich vorkommt. У него была походка журавля, поэтому он появляется на Блоксберге [в сцене “сон в Вальпургиеву ночь” — Н.С.] в образе журавля. — Faust I. 4323-26. Почему “мудрец”? «Журавль прочно связан в китайских верованиях с образами даосских святых. Напомним, что в одежде из журавлиного пуха ходил Чжугэ Лян, в такой же одежде, напоминающей летящие облака, изображен и даос Юй — мудрый отшельник, прозванный бессмертным шеньсянем и богом богатства земель к востоку от Янцзы (С. 290). Выражение “КОСТИ ЖУРАВЛЯ”, принятое в китайской поэзии — метафора художавого человека, причем, судя по приведенным в словарях примерам, речь идет не просто о худом человеке, а именно худом отшельнике. “Парит-парит бессмертный с костями журавля”, — сказано у

но заинтересовался один из корифеев европейской интеллектуальной элиты.

И не он один. В создании эпохального труда, вышедшего за подписью Лафатера, активное участие принимали Гете, Гердер и Циммерман.

Коллективное творчество было вообще характерно для интеллектуалов Веймарского круга⁴, но не об этом речь: произошел некий прорыв, значение которого еще до сих пор не получило должной оценки⁵.

Лафатер и Грасиан

В отличие от главного труда Лафатера, книга, предлагаемая вниманию читателя, есть компендиум всего физиогномического учения, его краткое изложение, руководство к действию, и здесь, возможно, видна рука Циммермана, лейбмедика английского короля в Ганновере — практическая жилка врача. Читателя не должен смущать тот факт, что компендиум появился раньше фундаментального труда, извлечением из которого он призван являться.

Мэй Сяо; у поэта Ци Цзи такая хитрость сопоставляется с отрешенностью от мирских помыслов и обращением к созерцанию, у СуШи — с испепеленностью всех желаний-мыслей. В тексте “Троецарствия” в описании даоса Шуй-цзина эти метафоры (...) и сухость, переданные через выражение “кости журавля”, — бесспорно, призваны подчеркнуть необычный облик мага и провидца. (С. 292)”. — Б.Л.Рифтин. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.

⁴ Следствием вышеописанного метода было то, что Гете в старости мог с трудом отличить свои работы от работ других участников процесса. *Die geschilderte Arbeitsmethode brachte es mit sich, dass es der alte Goethe kaum noch seine eigenen Arbeiten von denen der anderer Mitarbeiten sauberlich zu scheiden vermoechte* Sturm und Drang Erlaeutungen zur deutschen Literatur, Berlin. 1978, S. 72.

⁵ И все же уже в тридцатых годах прошлого века Лафатер был назван в качестве истинного немца известным австрийским поэтом, сценаристом, эссеистом и издателем Гофмансталем, в его речи, посвященной ректору Мюнхенского университета Фосслеру. Hofmannsthal, Hugo von Blicke Essays. Leipzig, 1987. 424 s., S. 363-379.

Так уж устроены немцы: основные мысли бродят у них в голове с самого начала, а все дальнейшее творчество является развитием и приложением этих идей к разным сферам⁶.

Тому, кто знаком с творчеством Балтазара Грасиана, не может не броситься в глаза определенное сходство между “Карманным оракулом” классика испанской литературы и настоящим трудом. “Карманный оракул” Грасиана — краткое извлечение из его трудов, квинтэссенция, включающая 300 афористически отчеканенных сентенций, здесь же мы имеем — 100 афоризмов⁷.

Лафатер и восток: внешнее и внутреннее, кривое и прямое, предел, естественное-неестественное, знания врожденные и приобретенные

Китайцы, как и немцы, оперируют понятиями “внешнего” и “внутреннего”. Основной трактат китайской древности носит название “Трактат о внутреннем” (= Нэй-цзин).

Кривое и прямое: Легендарный основатель китайской цивилизации Фу-си изображается с наугольником в руке⁸.

Земля имеет форму квадрата, а небо — круга. Китайский храм располагался на острове, имеющим форму

⁶ Это, прежде всего, применимо к самому Лафатеру, о котором сказано, что все написанное им впоследствии было повторением и перепевом написанного ранее. Real-Encyklopaedie fuer protestantische Theologie und Kirche, Leipzig, 1881. Bd. VIII, S. 496. Ср. также то, что пишет Дворжак о Дюрере: “Дюреру случалось создавать значительные произведения и после иллюстраций к “Апокалипсису”. Однако ни одно из его последующих творений не было до такой степени проникнуто юношеским воодушевлением и неистовым порывом гения”. Max Dvoržak. Studien zur Kunstgeschichte. Leipzig, 1989, S. 14.

⁷ “Карманный оракул” был непременным атрибутом европейской знати эпохи барокко — неслучайно форма книги и ее размеры совпадали с формой современного мобильного телефона. Это говорит о степени важности психологической “рапиры” в эпоху дуэлей. “Карманный оракул” Грасиана был мастерски и со знанием дела переведен на немецкий философам Шопенгауэром, что само по себе стало событием.

Прямое—кривое:

“Любая прямая как таковая относится к кривой как таковой, как сила и слабость, как твердость и гибкость, как разум и чувственное восприятие”⁹

квадрата, а сам остров находился посреди пруда, имеющего форму круга¹⁰.

Квадрат и круг — это изначальные манифестации сил природы, и вся вселенная образована сочетанием этих двух космических начал.

В свете последних достижений востоковедения видно, что физиогномика — это наука о “пределах”. По сути, любая физиогномическая черта “работает” только в стадии напряжения, а в обычном состоянии она “спит”. “Лишь с наступлением холодов видишь, что только сосна и кипарис остаются зелеными”¹¹. Физиогномическая черта — это “Афина с горящими глазами”¹². Сам метод познания сводится не к поиску неких “усредненных” точек, а, наоборот — к исследованию пограничных состояний сознания (северные люди тоже фиксировали не точки равноденствия, а точки солнцеворота — наименьший день и

⁸ Б.Л.Рифтин. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979, с. 58 -61.

⁹ И.К.Лафатер. Физиогномические Фрагменты. Т. IV, С. 461.

¹⁰ Erwin Roussel. Das Wasser als mystischer Ereignis chinesischen Lebens. //Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie. Berlin, 1935. S.209-213. (Сборник к 60-летию К.Г.Юнга).

¹¹ Лунь-Юй, Глава 9, 28. Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: Кристалл, 2001. 1120 с., С. 324 (приведено пять переводческих версий).

¹² Афина является Ахиллу в критический момент, когда тот находится у “бездны на краю” (Илиада I, стих 197). Она властно вторгается в его сознание (символический жест: хватает его за волосы). Ее вид повергает его в ужас: «и страшно горели глаза ее». Она — *фантом*: лишь он ее видел, для других же незримой она оставалась. В “Бахавадгите” Кришна тоже является Арджуне в самую тяжелую минуту.

наименьшую ночь). Ночью фонарь виден всем, но физиогномист способен распознать его днем, когда раскрашенные матрешки гораздо виднее. “Размалеванные матрешки” — это эпигоны, пылающие не своим, а отраженным светом. Знаток видит шедевр даже под слоем позднейших записей, он выберет “лампу Аладдина” не смотря на присутствующие ей потертости и всю ее ветхость.

С понятием предела связана как сложность постижения физиогномики, так и все величие ее перспектив. Сложность постижения физиогномики обусловлена необходимостью отказаться от привычных клише, составляющих, тем не менее, основу нашего мирозерцания. Недаром Лафатер приступил к написанию своего фундаментального труда, уже выпустив в свет трактат о “вечности”¹³. Мы живем, зажатые между необратимым прошлым и обратимым будущим. Однако, с физиогномической точки зрения, это всего лишь — “патогномический” дискурс. “Будущим” называется состояние, когда нечто может быть, а может и не быть, однако гораздо важнее знать границы возможного, и тогда будущее оказывается не менее прогнозируемым, чем прошлое, мало того, столь же “необратимым”. Прошлое, в свою очередь, получив возможность отражения в будущем, становится обратимым. Из сказанного видно, что перед нами настоящий ключ к решению вековой мечты человечества, мало того, э т а дверь решения данного вопроса является е д и н с т в е н н о й .

Естественность. Здесь достаточно вспомнить или “напомнить” афоризм из Дао-дэ-цзин: “Нельзя долго стоять на цыпочках”¹⁵ (в том смысле, что это неустойчивая позиция). Физиогномист учится мгновенно улавливать

¹³ “Aussichten in die Ewigkeit”, Zuerich, 1768-1778, 4 Bde.

Пределы:

“Нам надо научиться замечать границы, или крайние точки, всех вещей и постараться их запомнить”¹⁴

любую “натяжку”, любое проявление внутренней скованности (...): оттенки неуверенности и т.д. Здесь он напоминает опытного охотника, который улавливает любой шорох, выдающий присутствие затаившегося зверя, любое движение. Врожденная способность различать и улавливать градации степеней свободы — один из основных ключей физиогномического гения.

Находи и исследуй естественное, произвольное и насильственное.

Отношение к знанию — возможно, одно из наиболее ярких свидетельств того глубинного родства китайской мысли и эпохи, которую иногда называют эпохой “гения”. Гений — это тот, кто обладает врожденными знаниями¹⁶.

¹⁴ И.К.Лафатер. Сто правил физиогномики. Это как раз то, что делали древние от берегов Атлантики до Желтого моря.

¹⁵ Дао Де-цзин, 24 *Wer auf den Zehen steht, steht nicht sicher* Laudse-Daudedsching, 24. Leipzig, 1990, uebersetzt & hrsg.von Ernst Schwarz, S. 64.

¹⁶ Ср.: “Лунь-Юй”, Глава 16, 9. “Знания, дарованные от рождения, — это высшая форма знания”. Конфуций. Беседы и суждения. СПб.: Кристалл, 2001. 1120 с. С. 615 (приведено пять переводческих версий). Лафатер: Гениальное — это то, что не обязано обучению или чему-либо внешнему, более того, это то, чему вообще нельзя научиться или почерпнуть извне, это нечто глубоко личное и одновременно — божественное, это данное свыше (*das Ungelernte, Unentlehnte, Unlernbare, Unentlehnbare, innig Eigentuemliche, Goetliche — ist Genie — das Inspirationsmaessige ist Genie*) [...] гений соединяет то, что никто не может соединить, и разделяет то, что никто не может разделить. (*Genie vereinigt, was niemand vereinigen; trennt, was niemand trennnen kann.*) Lavater, Johann Caspar. Physiognomische Fragmente / zur Befurderung / der Menschenkenntniss und Menschenliebe. Leipzig und Winterthurr. 1778. 4. Bd. 502 S. — I Abschnitt, X Fragment. Genie, S. 82.

Естественное—насильственное:

“Находи и исследуй естественное, произвольное и насильственное. Все естественное (за исключением уродов) непрерывно. Непрерывность — это печать природы”¹⁷

Лафатер и психоанализ

Лафатер предваряет свою книгу цитатой из Фрэнсиса Бэкона¹⁸, где тот, говоря о забытых ныне науках древности, высказывает мнение, что из них две особенно достойны возрождения: эти науки физиогномика и толкование сновидений (нет необходимости указывать на то, что второе пожелание Бэкона было исполнено психоанализом).

Лафатер, таким образом, выполнил первое пожелание Бэкона, а психоанализ — второе.

¹⁷ И.К.Лафатер. Физиогномические Фрагменты. Т. IV, С. 461. Ср.: “...рука мастера запечатлевает форму одним движением, в котором угадывается и состояние момента, и сила произведенного впечатления, и самих духовных сил мастера, его способности “схватывать”, способности реагировать, годами выработанная твердость руки, уверенный штрих, точное количество — ни больше ни меньше краски на кончике кисти — это и есть второе послание, оказывающееся первым (последние будут первыми). Копиист может точно повторить штрих за штрихом, но его “второе послание” ведет себя подобно черту, стоящему за спиной рыцаря на средневековой картине и произносящему шепотом: “Он говорит неправду, он сам не видел, не чувствовал, не пережил”. Амплитуда штриха копииста — заведомо меньше штриха мастера, преодолевает расстояние от начала до конца линии мастера — в несколько приемов, причем по двум причинам: он должен все время поправлять самого себя, собственный импульс; а во-вторых, он не знает и не видит ни начала, ни конца этой линии.

¹⁸ “Первое — физиогномия, то есть наука распознавания душевных качеств по чертам внешности, второе — толкование сновидений”. (О достоинстве и улучшении наук. Книга IV, I). ... Prima est Physiognomia, quae per corporis lineamenta animi indicat propensioes; altera somniorum naturalium interpretatio. De Augm. L.IV.I.// Lavater, Johann Caspar. Physiognomische Fragmente / zur Befürderung / der Menschenkenntniss und Menschenliebe. Leipzig und Winterthurt. 1778. I. Bd. IV. Fragment. S. 25.

Лафатер и Россия

Лафатер как мыслитель гораздо ближе русскому сознанию, чем немецкому. Это, в значительной степени, объясняется тем, что образный ряд Лафатера имеет христианские корни. На примере Гете хорошо видно, что Германия постепенно вернулась к своим исконным языческим богам, фольклору. Гете обрабатывает народную книгу о Фаусте, средневековую поэму о Лисе, создает переложения поэм Ганса Сакса. Рихард Вагнер создает грандиозную тетралогию на основе немецких легенд. Розенберг апеллирует к вечному Одину немецкой души¹⁹. В современной Германии можно видеть молодых людей, одетых в футболки с надписью “*Odin statt Jesus*” (“Один вместо Иисуса”)²⁰.

Призывы вроде “*Смотри! Внимай! Решай: могут ли подобные люди войти в Царство Божие?*” и аргументы, построенные на обращении к евангельским темам, казались немцам анахронизмами еще при жизни Лафатера. Это верно уже для Гете, которому Лафатер казался каким-то Хоттабычем, застрявшем в каменном веке²¹.

¹⁹ “Одна форма Одина изжила себя. Однако другая его форма в качестве вечного прообраза изначальных духовных сил нордических людей продолжает жить в сердцах немцев — сегодня, как и 5000 лет назад”. Rosenberg, *Der Mythus des 20. Jahrhunderts*. 2. Aufl. Muenchen, 1931, S. 22.

²⁰ Свидетельство Андрея Стручкова из Штарнберга (города, где прожил последние 20 лет жизни Густав Мейринк).

²¹ Взгляды Лафатера были настолько непривычны для своего времени, настолько выходили за рамки общепринятого, что даже выдавшие виды умы, на какое-то время подпадавшие под очарование и магию его личности, периодически как бы “прозревали” и задумывались: да все ли в порядке у него с головой? Гете пишет: «Представьте себе человека, который в начале вашего с ним разговора демонстрирует знакомство с последними научными достижениями в астрономии (земля шарообразна, мало того — немного сплющена на по-

В России же, даже Советской, была жива и продолжает жить проблематика, связанная с евангелиями, окрашенная ими. Христос, Понтий Пилат, Иуда Искариот — вот имена, к которым неоднократно обращались как художники, так и писатели (Александр Иванов, Крамской, Н.Н.Ге, Бакст²², Леонид Андреев, Михаил Булгаков).

Но ведь и Лафатер написал огромное произведение, заглавие которого начинается со слов “Понтий Пилат²³”, ведь и Лафатер считал “страсти Христовы” самой потрясающей драмой из всех, когда-либо написанных²⁴, и именно Лафатера занимал образ Иуды, анализируя который швейцарский физиогномист делает это почти с позиций Леонида Андреева.

Культурные параллели налицо. Уже одно это вселяет надежду, что у Лафатера больше шансов найти своего читателя в России, чем это имело место до сих пор в Германии.

Так было с Гофманом, и почему не может быть с автором знаменитых “Фрагментов”...?

люсах), хорошо разбирается во всех тонкостях новейших теорий в этой области... после этого он добавляет: “Я чуть было не забыл упомянуть о главном: наш мир покоится на черепахе [*выделено мной — Н.С.*] — это совершенно необходимо, так как в противном случае он неминуемо провалился бы в преисподнюю”». An Charlotte von Stein, 6 April 1782. Goethes Briefe in drei Bänden Berlin und Weimar, 1984, I. S. 163.

²² “Затеял Бакст выразить в лицах взаимоотношения Иисуса и Иуды Искариота. Левушка был уверен, что Иуда был не столько учеником Христа, сколько его другом — и даже ближайшим другом... Одну такую беседу Христа с Иудой картина и должна была изображать”. Александр Бенуа. Мои воспоминания. В пяти книгах. М., 1990. I, 711 с. С. 616.

²³ Pontius Pilatus, oder der Mensch in allen Gestalten, oder Höhe und Tiefe der Menschheit, oder die Bibel im kleinen und der Mensch im grossen, oder ein Universal- Ecce-Homo, oder Alles in Einem. Zuerich, 1782 – 1785 4 Bde.

²⁴ Goethe J. W. Dichtung und Wahrheit. Vierter Teil. Neunzehntes Buch, Leipzig MD CCCCVIII (Grossherzog Wilhelm Ernst Ausgabe) 830 s. S. 796.

Круг Лафатера

Физиогномика больше всего требуется **священнику, врачу и художнику**. Первый врачует душу, второй — тело, а третий изображает и то, и другое.

Без опыта общения в этих трех сферах физиогномист будет “вариться в своем котле” и не слишком преуспеет в своем деле (причина, по которой, возможно, немецкие философы и не отваживались на такое предприятие, как изучение физиогномики. Заниматься физиогномикой, не выезжая из Кенигсберга, — все равно, что изучать повадки бенгальского тигра, сидя в Нижегородской губернии). При этом важно черпать опыт не из третьих рук, а из общения с первыми из первых, объединяющими в одном лице харизму, образование и возможности. Священником Лафатер был сам, его друг Циммерманн был лейбмедиком английского короля в Ганновере, а друг детства Фюсли впоследствии стал знаменитым художником. Лафатер брал самое лучшее. У кого еще после него была такая возможность?

Фюсли, Иоганн Генрих (6.02.1741-16.04.1825) в своем творчестве стал предтечей психоанализа, знал 10 языков, включая древние, был хранителем Королевской Академии Художеств. Прах Фюсли покоится в соборе Святого Павла в Лондоне — большая честь для художника. Достаточно сказать, что в том же соборе покоится и прах адмирала Нельсона — победителя в Трафальгарском сражении. Из художников аналогичной почести были удостоены лишь президенты королевской Академии Художеств (Фюсли захоронен рядом с Джошуа Рейнольдсом). Для сравнения укажем на Рафаэля, похороненного в Пантеоне в Риме. О проницательности Лафатера и его художественном чутье говорит тот факт, что он предсказывает значение Фюсли как художника задолго до его официального

признания⁵³. Фюсли курировал и иллюстрировал перевод “Физиогномических фрагментов” на английский язык.

Бодмер, Иоганн Якоб (19.07.1698-2.01.1783). Член городского совета Цюриха. Автор трактата “О силе и пользе воображения” (1727), первого перевода “Песни о Нибелунгах” (1757). Перевел Гомера (1778).

Брейтингер, Якоб (1.03.1701-13.12.1776) профессор гебраистики и греческого языка. Обоих, как правило, упоминают вместе²⁶.

Циммерман (8.12.1728-7.10.1795) помимо того, что был придворным врачом, оставил печатные труды, покупал книги для Екатерины II и вел с ней переписку.

Гете, Иоганн Вольфганг (28.08.1749-22.03.1832). В юности Гете боготворил Лафатера. Почти через тридцать лет после смерти бывшего друга, Гете находит нужным подчеркнуть, что они частенько по-братски спали вместе в одной постели²⁷. “Спать вместе!” — это в первую очередь говорит о духовной близости, когда люди делятся самым сокровенным и испытывают настоятельную потребность в постоянном контакте друг с другом. Вместе они общаются с друзьями, вместе выходят в свет, вместе едят (как братья Гонкуры). Так бывает тогда, когда даже кратковременная разлука привела бы к значительному обеднению духовного мира, который стал общим, когда “вместе” — значит “ярче и богаче”, и это касается

²⁵ “Фюсли объединяет в одном лице таланты Клопштока, Рафаэля и Микеланджело”. Lavater, Johann Caspar. Physiognomische Fragmente / zur Befürderung / der Menschenkenntniss und Menschenliebe. I Bd. 289 S. — I Fragment. S. 9.

²⁶ Aufklärung. Erläuterung zur deutschen Literatur, Berlin, 1983. 770 S. S. 218 — 220, 238-239.

²⁷ Эккерман, Иоганн Петер. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 589 (Понедельник, 18 января 1830 г.).

всего: восприятия, чувств, эмоций. Отношения напоминают настроенный инструмент: стоит прервать игру, и инструмент надо настраивать заново, ср. :²⁸.

Гердер, Иоганн Готфрид (24.08. 1744-18.12.1803) Считается одним из трех великих немцев Восточной Пруссии (двое остальных: философ Иммануил Кант и эссеист Иоганн Георг Хаманн, прозванный “Магом Севера”)²⁹.

Проблемы

Как часть науки о “человеке”, физиогномика относится к разряду “высших” наук и не может быть механически перенесена из древности в новое время. Физиогномика — не набор “рецептов”, ее воскрешение тянет за собой весь комплекс соответствующих представлений, требует коренной перестройки всех психологических координат. Возможно ли это? Неужели мы живем “неправильно”, и наше представление о мире не соответствует действительности? Существует ли вообще “абсолютная” истина, непреложная во все времена? Не обречена ли подобная попытка изначально: мы можем восхищаться творениями Фидия, но Фидий (или Леонардо) как личность тесно связан со своим временем и не повторим.

На помощь приходит сам немецкий язык

В лексическом составе немецкого языка уже содержатся элементы физиогномики. Так, немецкое слово “внут-

²⁸ Согласно Вольтеру, это было в духе времени. Saager, A. Von der Liebe, den Frauen und der Galanterie aus Ninon de Lenclos Briefen. Verlag Robert Lutz, Stuttgart Um, 1900. S. 30. “teilte Ninon [...] mit Frau Scarron mehrere Monate hindurch ihr Bett, nach Voltaire einer Zeitsitte”.

²⁹ Hermes Handlexikon Die Klassiker der deutschen Literatur von Günther Fetzer Duesseldorf 1983 448s. S.188 - 195s.

ренное” — синоним “психического”. Поэтому переводить немецкое слово “внутреннее” аналогичным ему русским словом — значит исказить его, а перевести его как-нибудь иначе — значит лишить это слово присущей ему энергии противопоставления двух планов — внешнего и внутреннего.

То же самое можно сказать и о немецком предлоге “zu”. Слово как будто специально приспособлено для того, чтобы отмечать малейшие отклонения от нормы, “правильной” линии: чуть в сторону, чуть-чуть больше, чем следовало. Мы невольно вносим в наше рассуждение оттенок модальности и это объясняет — хотя бы отчасти — почему “zu” есть показатель долженствования: отклонение всегда бывает от должного.

Что такое “внутреннее” вообще, как его понимать?

Необходимо отойти от механического понимания

Мир предстает нам в виде разрозненных фактов³⁰. И “наука” как раз и берется отыскать законы, стоящие за этими явлениями. Однако она понимает эти законы чисто механически, как некие рычаги. И все же, возможно, есть много “спящих” законов, которые по каким-то причинам не действуют, уподобляясь рудиментам органов, которые на данный момент не востребованы. Анатомия показывает нам механическую модель человека, объясняет принципы работы рычагов. Физиогномика объясняет, почему в одном случае рычаг развит прекрасно, а в другом — отказывается функционировать.

³⁰ Lavater, Johann Caspar. Physiognomische Fragmente / zur Befürderung / der Menschenkenntniss und Menschenliebe. Bei Weidmanns Erben und Reich, und Henrich Steiner und Compagnie. Leipzig und Winterthurr. 1778. 4. Bd. 289 S. —VIII Fragment. S. 56.

Некий общий принцип: наука изучает “законы”, законы — эта некая константа в многообразии (то, что не меняется). Можно проследить одну и ту же кость у разных представителей животного мира, опознать ее, причем порой эта кость будет видоизменяться до “неузнаваемости” (подобно межчелюстной кости, открытой Гете). Но может быть и так, что множество совершенно *разных* костей имеют нечто общее. Так бывает в том случае, если эти кости принадлежат одному и тому же организму. Речь идет о некоем коэффициенте “причастности”. Например, сила тяжести тела слона будет влиять на все его кости, все его органы, скорость кровообращения.

Фауст мечтает “найти ту силу, которая держит мир изнутри”³¹ (Гете), а мы бы сказали: сцепляет в одно целое все множество явлений, предстающих поверхностному наблюдателю как набор ничем не связанных фактов.

Процесс познания — это осознание все большего единства (“*вахдат-аль-вуджуд*” в исламе — единство сущего). Отсюда формула: гений соединяет то, что никто не может соединить, и разделяет то, что никто не может разделить³² (находит сходство и отличие там, где этого никто не видит). Гений — это тот, кто видит “внутреннее”.

Древние хорошо понимали, что истина выражается лишь энигматически. Непонимание этого — один из главных стигматов наивности нового времени. Ни один *смер-*

³¹ Фауст, стих 382. Goethes Werke. Festaussgabe. Bibliographisches Institut. Leipzig 1926. 5. Bd. 728 s. S. 68.

³² “*das Ungelernte, Unentlehnte, Unlernbare, Unentlehnbare, innig Eigentuemliche, Goetliche — ist Genie — das Inspirationsmaessige ist Genie [...] Genie vereinigt, was niemand vereinigen; trennt, was niemand trennen kann.*” Lavater, Johann Caspar. Physiognomische Fragmente / zur Befurderung / der Menschenkenntniss und Menschenliebe. Leipzig und Winterthurr. 1778. 4. Bd. 502 S. — I Abschnitt, X Fragment. Genie, S. 82.

тный не снимет покрывало Изиды... Хорошо, стань бессмертным!

Твердая скорлупа ореха — не просто защита, это ожидание острых зубов, способных разгрызть ее. В противном случае, орех мог бы быть пустым — содержимое было бы излишним.

В знаменитом китайском романе “Путешествие на запад” учитель трижды бьет Сунь У-куна палкой по голове, а затем, заложив руки за спину, покидает место для занятий. Ученики, не способные выйти за пределы (ср.: лук Одиссея) внешней стороны явлений, (остающиеся в плену “майи”), обрушиваются на Сунь У-куна с упреками: «Зачем ты своими неуместными вопросами рассердил учителя?» Но Сунь У-кун (преломленный Хануман) понимает, что учитель говорил с ним на языке иносказания и назначил встречу у задних ворот монастыря в три стражи ночи.

Христиан, друг Шарля Нодье, члена Французской Академии и хранителя библиотеки “Арсенала” — второй по значению библиотеки Франции, — приводит аналогичный пример из египетских посвящений³³. Тайна — есть ожидание острого ума, не смущаемого внешними противоречиями. Мало того, для острого ума эти противоречия становятся своеобразной путеводной нитью; закрытая дверь — это, прежде всего, дверь, указание пути. Загадочность древних текстов есть ключ к их пониманию. Текст кажется бессмысленным. Значит, ты этого смысла не видишь.

Острый ум (немецкое слово “*Witz* означает умение видеть сходство в различном) — это отличительная черта гения. Пушкин здесь точен: “...и гений — парадоксов

³³ Christian P. Histoire de la Magie du monde surnaturel et de la fatalité a travers les temps et les peuples. Paris, P. 111.

друг". Гения отличает установка на парадоксальное, но — с целью его преодоления. Не удивительно, что юношеская диссертация Шиллера была посвящена связи физической и психической природ человека³⁴.

Гениальны индусы как нация, с их стремлением приречения этих двух природ — физической и духовной.

Смерть Лафатера

25 сентября 1799 года в окрестностях Цюриха, куда незадолго до этого Лафатеру удалось вернуться, произошло крупное сражение. Французские войска под командованием Массены разбили русско-австрийскую коалицию. В городе опасались грабежей, и горожане отсиживались по домам. Ходить по улицам было небезопасно. В дверь дома, расположенного по соседству с квартирой Лафатера, постучали. Стук становился все более яростным. У двух французских гренадеров пересохло в горле. Лафатер вынес вино и предложил денег. Французы от денег отказались, а один из них даже похлопал Лафатера по плечу, назвав сердечным другом (братом). Вскоре после этого Лафатеру пришла в голову мысль навестить своего сына и, стоя у дверей дома, он выжидал момент, когда дорога будет свободной. Обнищавший французский солдат, одетый в лохмотья, обратился к Лафатеру за милостыней. Лафатер вновь проявил щедрость. Тогда француз вошел во вкус и, обнажив саблю, перешел от просьб к угрозам. Оба гренадера, с которыми у Лафатера, казалось бы, установились дружеские отношения, все еще оставались

³⁴ Schiller, Johann Christoph Friedrich. Ueber den Zusammenhang der thierischen Natur des Menschen mit seinen geistigen. Stuttgart, 1780.

неподалеку, на расстоянии каких-нибудь нескольких шагов, мирно беседуя с горожанами. Лафатер бросился к ним за помощью. Однако солдат, только что назвавший Лафатера своим другом, неожиданно пришел в ярость, схватил ружье и нажал на курок. Находившийся тут же социальный работник Хегечвайлер инстинктивно обнял Лафатера, пытаясь его защитить. Пуля сначала попала Хегечвайлеру в руку, но затем, пройдя ее, угодила в грудь Лафатера. Рана оказалась неизлечимой, и через год с небольшим Лафатер умер³⁵.

Достоин ли такой конец Великого Мудреца, каким Лафатер, несомненно, был?

Собственно говоря, как раз с мудрецами и происходят подобные казусы. Через всю историю китайской мысли тянется след психологическую травмы, полученной Конфуцием, когда правитель предпочел ему красавицу³⁶. Хомяков пишет, что в откушенной руке Тюра кровоточит незаживающая рана германской души³⁷. Фраза Конфуция: “Я не видел, чтобы добродетель любили больше красоты” — вопиет о том же³⁸. Это — поклон “от нашего ума

³⁵ *Real-Encyclopaedie fuer protestantische Theologie und Kirche Leipzig* 1881. Bd. VIII S. 504.

³⁶ Лунь-Юй. Глава IX, 18. Конфуций, Беседы и суждения. СПб.: Кристалл, 2001. 1120 с. С. 312 (приведено пять переводческих версий).

³⁷ “...рука Тира, откушенная Фенриром, носит на себе клеймо народа побежденного”. Хомяков, А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994. Т. 1, С. 154. Транскрипция Хомякова.

³⁸ Лунь-Юй. Глава IX, 18. Конфуций был в царстве Вэй. Царь, красавица и Конфуций отправились на прогулку. Венценосная пара поехала в первой карете, а Конфуцию предложили сесть в карету, едущую следом. Конфуций, а вместе с ним и вся китайская мудрость, увидели в этом акт неслыханного публичного унижения. В народе это воспринималось так же, и повсюду распевали песенки: “Красотка едет впереди, а мудрость где-то позади”. “Вослед красавице-звезде плетется мудрость на хвосте”. *Richard Wilhelm, Kung-tse, Stuttgart, 1925, S. 34.*

— вашему”, рана, нанесенная женским магизмом — мужскому превосходству в интеллектуальной сфере.

Этот инцидент, кажущийся нелепым, имеет астрологическую основу в натальном гороскопе Лафатера, где Солнце поражено Сатурном. Однажды мы коснулись темы смерти Лафатера в разговоре с проницательным N. Это было в то время, когда автор этих строк гостил у N. на его на вилле в Испании, в окрестностях Марбельи. N. был уверен, что Лафатер стал жертвой политических интриг, что Лафатера убрали силы, не заинтересованные в росте его влияния на мировые события. И, действительно, Лафатер переписывался с русской императрицей Марией Федоровной. Другой пример: директору Пажеского корпуса Клингеру впоследствии ставили в вину, что он воспитал декабристов, а ведь Клингер получил назначение на этот пост не без участия Лафатера, с которым когда-то даже написал роман в соавторстве³⁹.

К переводу

Данный перевод, по мысли переводчика, имеет прежде всего практическое значение: желательно, чтобы трактат воспринимался так же, как он воспринимался современниками Лафатера, а не современными немцами. Язык и тех и других — все тот же, однако, во многом — другой, и требует перевода. Немецкая языковая материя — быстро меняющаяся, она — текуча, в словах силен элемент “подразумеваемого”, не выраженного грамматически, зависящего от употребления. Например, слова “медный котел” и “золотые весы” построены по одной и той же

³⁹ *Sturm und Drang Erlaeutungen zur deutschen Literatur*. Berlin. 1978, S. 179.

схеме, однако в первом случае речь идет о материале, из которого вещь изготовлена, а во втором о материале, для работы с которым (взвешивании) она предназначена. Немецкие филологи зачастую не справляются даже с относительно недавними текстами, датируемыми исходом средневековья. Значение отдельных слов не поддается расшифровке. Что уж говорить о рядовом немце, если слова, похожие на современные — настоящие “ловушки”, ибо эта похожесть только кажущаяся и вводит в заблуждение.

В отличие от большинства авторов, пишущих по-немецки, язык Лафатера — краток и энергичен⁴⁰, и стилизация “под эпоху” лишила бы его этого достоинства (как это произошло с переводами Грасиана). Не стоит забывать, что Лафатер был проповедник “милостью Божией” и хорошо понимал, “как наше слово отзовется”, как донести его до читателя. Последнее обстоятельство стало для него роковым, он *остался* в своем времени, современные немцы понимают его с трудом, сквозь призму времени, он говорит не для них.

Остается надеяться, что, в противоположность вышесказанному, русский читатель сумеет и оценить Лафатера, и почувствовать симпатию к этому великому человеку, и проникнуться его идеями, и заразиться его пафосом совершенствования природы человека.

⁴⁰ Лафатер постоянно впадал в экстатический тон и в этом смысле напоминал Андрея Белого. Оба мыслили “экстатически”, радуясь каждой новой мысли, заражаясь ею сами, а уже потом заражая других. Оба были выходцами из университетских кругов и при этом находились в постоянном поиске.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МИР УРАНИЙ»
ВЫХОДЯТ В СВЕТ:**

**Агафонов А. ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ АСТРОЛОГИЯ. Том 3.
ПРАКТИКА: БРАК И РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ**

Этот том посвящен прогнозу возможности и характера брака, а также анализу карт солнечных возвращений в годы брака, зачатия или рождения ребенка.

**Агафонов А. ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ АСТРОЛОГИЯ. Том 4.
ЗАДАЧНИК**

Альбубатер. КНИГА О РОЖДЕНИЯХ

Тито Масиа. ГЕММОАСТРОЛОГИЯ

**Шив Радж Шарма. ТАЙНА РАХУ В ГОРОСКОПЕ
(под ред. К.Н.Рао)**

Это оригинальное и глубокое исследование посвящено одной из наиболее таинственных точек карты. Исчерпывающе изложив традиционные взгляды, автор смело отправляется в неизведанное, открывая новые горизонты современной астрологии. Он анализирует около ста гороскопов, показывая, как Раху выполняет все три функции: творческую, защитную и деструктивную.

**Ирина Стрельцова. ИСЦЕЛЕНИЕ ДУШЕВНЫХ НЕДУГОВ:
АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**Джейми Биндер. ПЛАНЕТЫ ЗА РАБОТОЙ:
АСТРОЛОГИЯ В ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ**

ИОГАНН КАСПАР ЛАФАТЕР

СТО ПРАВИЛ ФИЗИОГНОМИКИ

Перевод с немецкого Никиты Скородума
Ответственный за выпуск Алексей Могилевкин

Подписано к печати 04.11.07
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 4,75. Тираж 2000 экз. Заказ 2043

ООО «Мир Урании»

101000 Москва, Малый Златоустинский пер.,
дом 8, офис 2

тел./факс: (495) 624-71-24

Электронная почта: urania@urania.ru

Страница в Интернете: www.urania.ru

Интернет-магазин: www.urania-books.ru

